РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

№ 1/84
Январь

ISSN 0131—5994

Ленинский комсомол выступает с инициативой провести в Москве в 1985 году, в год 40-летия великой Победы над гитлеровским фашизмом, XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов

На снимке: Москва, Лужники, 29 ноября 1983 года. Антивоенный митинг советской молодежи.

БЕРЛИН. Открытие десяти новых молодежных клубов было приурочено к тридцать четвертой годовщине ГДР. Свыше тысячи молодых граждан республики в Магдебурге, Эрфурте, Нордхаузене и в других городах получили прекрасный праздничный подарок. Впрочем, можно ли считать подарком то, что сделано во многом своими руками? Организация и оборудование молодежных клубов проводились Союзом свободной немецкой молодежи, а точнее, первичными организациями ССНМ строительных и промышленных предприятий, ячейками, созданными по месту жительства, при активном участии молодых художников и архитекторов.

ПАРИЖ. Газета французских коммунистов «Юманите» недавно опубликовала цифры, которые, видимо, не нуждаются в комментариях. Каждый день в мире умирают от голода 47 тысяч детей; каждый год 250 тысяч детей слепнут из-за отсутствия необходимых витаминов; каждый год только на Африканском континенте миллион человек умирает от малярии из-за отсутствия медицинской помощи. В развивающихся странах 200 миллионов детей не имеют возможности ходить в школу и 814 миллионов взрослых не умеют ни читать, ни писать. Если человечество хотя бы на 10 процентов уменьшило расходы на вооружение, то этого было бы достаточно, чтобы покончить с голодом, многими болезнями и неграмотностью во всем мире.

БОНН. «Мы ходим на лекции, учимся, а зачем? Что нас ждет? Безработица. Для государства, общества мы еще одна обуза. Мое поколение — лишние люди в ФРГ» — так говорит студентка факультета политологии и права Боннского университета Элиза Клафец. В прошлом, 1983 году более 80 тысяч выпускников вузов ФРГ могли рассчитывать всего на 9 тысяч рабочих мест, остальные оказались лишними. Самые энергичные из них срочно переквалифицируются: инженеры в водопроводчиков, юристы в слесарей и т. д. Но и с новой специальностью их ждет безработица, потому что рабочих мест по вновь приобретенным специальностям тоже не хватает и, кроме того, на них претендуют выпускники средних школ. Когда, например, концерн «Даймлер-Бенц» объявил о 2400 вакансиях для учеников, желающих оказалось 19 тысяч, причем большинство с дипломами высшей школы и аттестатами средней. Первый параграф 12 статьи конституции ФРГ гласит, что каждый гражданин республики имеет право свободно выбирать профессию и место работы. «Эти слова звучат как издевательство над нами»,— говорит Ханс Бефериц, студент из Гамбурга.

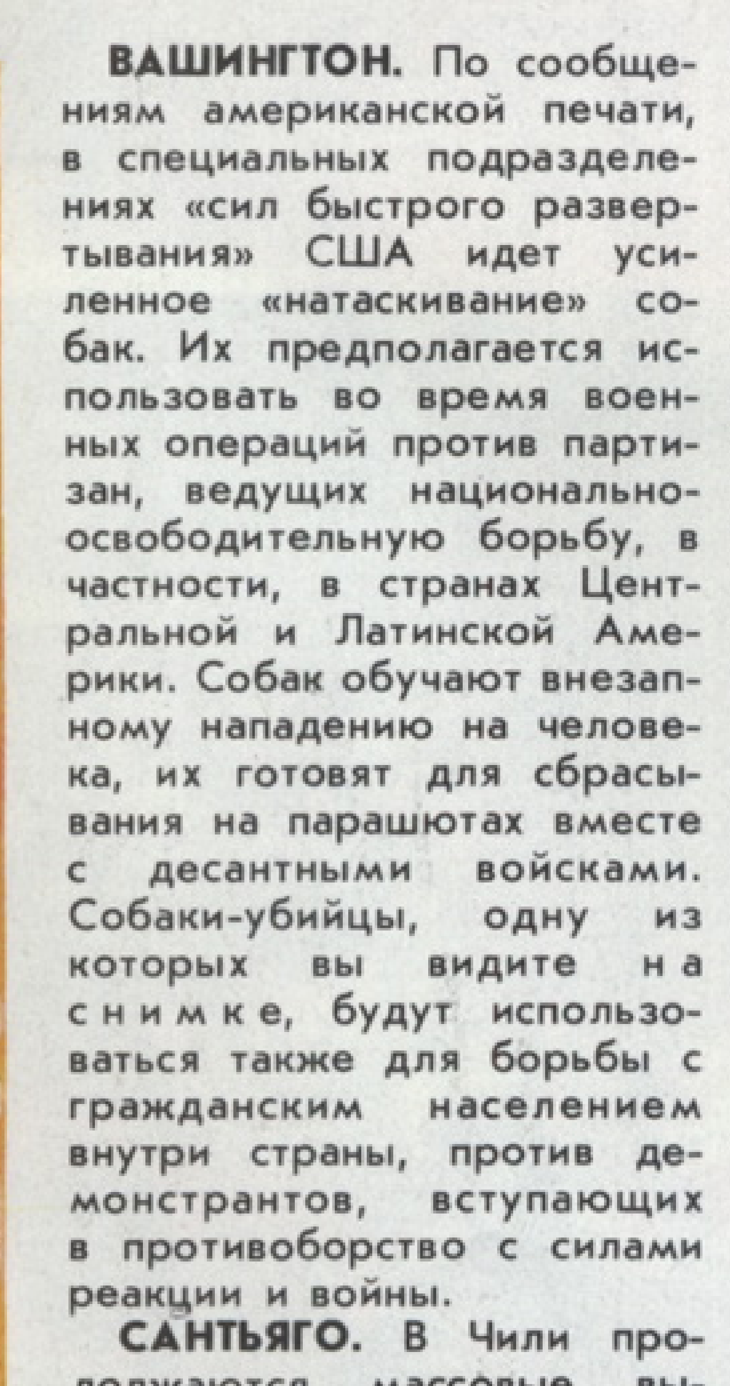

На снимке: «Согласен на любое место ученика»,— написано на плакате, который держит выпускник одной из гамбургских средних школ.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ВАШИНГТОН. По сообщениям американской печати, в специальных подразделениях «сил быстрого развертывания» США идет усиленное «натаскивание» собак. Их предполагается использовать во время военных операций против партизан, ведущих национально-освободительную борьбу, в частности, в странах Центральной и Латинской Америки. Собак обучают внезапному нападению на человека, их готовят для сбрасывания на парашютах вместе с десантными войсками. Собаки-убийцы, одну из которых вы видите на снимке, будут использоваться также для борьбы с гражданским населением внутри страны, против демонстрантов, вступающих в противоборство с силами реакции и войны.

САНТЬЯГО. В Чили продолжаются массовые выступления молодежи против хунты Пиночета. Тысячи юношей и девушек принимают участие в Национальных днях протеста. Многотысячные демонстрации под лозунгом «Молодежь за жизнь и демократию» прошли в Сантьяго, Вальпараисо, Консепсьоне и других городах. Бастуют студенты чилийских университетов. Во время стычек с карабинерами десятки человек убиты и ранены. Полиция проводит массовые аресты.

ПРАГА. Возможны ли в наши дни такие захватывающие приключения, какие выпадали на долю героев Жюля Верна? На снимке вы видите самого младшего члена клуба Жюля Верна семилетнего пражского школьника Ежку Врабела. Он и его друзья по клубу считают, что приключения возможны всегда, только человек должен быть готов к ним. И они готовятся: учатся ориентироваться в лесу, бесшумно след в след передвигаться по тропинкам, плавать, грести, ездить верхом, зажигать одной спичкой костер под дождем и многому другому, что необходимо путешественнику, попавшему на необитаемый остров. Сейчас ребята из клуба Жюля Верна снимаются в фильме «Таинственный остров», который делается по заказу Чехословацкого телевидения. Приключения нашли своих героев.

БАГДАД. Посланники двадцати двух молодежных организаций арабских стран выразили солидарность с борьбой арабского народа Палестины за свои законные права. Участники симпозиума, в течение трех дней проходившего в столице Ирака, обратились с письмом в Организацию Объединенных Наций, призывая остановить израильский террор, помочь народу Палестины вернуть себе родину.

ПНОМПЕНЬ. Одна из задач, стоящих сейчас перед молодежью Кампучии,— участие в возрождении древней культуры кхмерского народа. 420 студентов обучаются сегодня живописи, скульптуре, ткачеству в Школе изящных искусств. Танцевальная труппа уже дает концерты классического и народного танца. Но постижение культуры невозможно без овладения элементарной грамотой. Поэтому так нужны стране кадры учителей, которых готовит Педагогическое училище. При режиме Пол-Пота в Кампучии не было школ, поэтому сегодня в одном и том же классе можно увидеть девятилетних и семнадцатилетних учеников.

ХОБАРТ. Австралийцы все активнее выступают против визитов в Австралию американских военных кораблей, за ликвидацию американских военных баз. Когда в австралийский порт Хобарт прибыл военный корабль «ЮСС Техас» с ядерным оружием на борту, его встретили пикет демонстрантов и целая лодочная флотилия. В митинге протеста участвовали студенты, молодые рабочие, будущие моряки из местного училища. Выступавшие на митинге призвали превратить Тихий и Индийский океаны в зоны, свободные от ядерного оружия.

АНТАНАНАРИВУ. К концу 1983 года обучение в начальной школе в Демократической Республике Мадагаскар станет бесплатным. Это результат огромных усилий, предпринимаемых молодой республикой для развития системы образования: за семь лет число начальных школ в стране увеличилось в четыре раза, было подготовлено более 20 тысяч учителей. Открыто много новых высших и средних учебных заведений, библиотек, читален. Общее число студентов увеличилось с 9 тысяч в 1975 году до 45 тысяч в 1983 году. Пока еще не полностью ликвидирована неграмотность, не хватает учителей, учебных пособий, большинство вузов и училищ расположено в столице, тогда как необходимо разместить их равномерно по всем районам страны. Для успешного решения этих и многих других проблем разработана долгосрочная программа, цель которой — обеспечить бесплатное образование для всех граждан Мадагаскара.

ГААГА. Здесь состоялся традиционный 9-й Международный фестиваль-конкурс хоров, в котором приняли участие 32 коллектива из 26 стран Европы, Америки и Азии. В конкурсе детских хоров участвовали ребята из девяти стран. Победителем стал Большой детский хор Всесоюзного радио и Центрального телевидения СССР. Все его выступления в Голландии прошли с огромным успехом.

СМОТРИТЕ!

Какой он, героический народ Никарагуа, сбросивший вчера иго американского ставленника Сомосы и защищающий сегодня свою родину от его зловещего хозяина — империализма США? Да вот, смотрите: молодой, как молода революция, прекрасный, как прекрасны ее цели.

Фото Г. НАДЕЖДИНА

MARIO DAVILA DE SAN ISIDRO
FELICITA A LAS COOPERATIVAS
POR LOS TITULOS OBTENIDOS,
TIERRAS OCIOSAS PARA MANOS

В ОСАЖДЕННОМ ЛЕНИНГРАДЕ

Мери РИД

Я прожила всю блокаду как обычная гражданка Ленинграда. До войны я занималась рецензированием книг американских авторов для одного из ленинградских издательств. Сын мой Джон рос, учился в школе в Стрельне, в одном из пригородов города, полюбил ее. К семнадцати годам у него уже был широкий культурный кругозор, что вообще характерно для юношей Ленинграда. Он знал четыре языка, интересовался историей искусств, написал несколько неплохих пейзажей, был знаком с лучшими операми, классической музыкой и литературой, занимался в драматическом кружке. Он также увлекался боксом, имел разряд по шахматам. Его любили друзья, прекрасные светлые юноши. Каждый из них был радостно устремлен в будущее. Это были типичные представители нового общества. И когда гитлеровские полчища хлынули через границы Советского Союза, они в числе первых, едва окончив школу, надели военную форму и, не дрогнув, пошли в бой. Все эти юноши погибли. Они сражались и отдавали жизнь за свободу родного города, за свою родную школу. На том месте, где она находилась, остались лишь пепел и груда щебня.

Мой сын работал на военном заводе. Когда над Ленинградом нависла опасность, его стали готовить для отправки к партизанам, но затем оставили на предприятии.

В первые дни войны после продолжительной и тяжелой болезни я еще плохо себя чувствовала, а потому возможность что-нибудь делать для нужд армии для меня была ограничена: я подбирала материалы антифашистского содержания, почерпнутые из американской периодики, для местной печати и писала очерки. Кроме того, приходилось много сил отдавать домашним делам: ведь возможность кое-как перекусить, лечь в чистую постель, почувствовать атмосферу покоя — все это было так необходимо для моего мальчика, который работал порой две или три смены подряд.

Благодаря сыну я получала представление о том, что происходит в городе. Завод, на котором он работал, был расположен на окраине. Фашистские войска с каждым днем приближались, начались бомбежки. Рабочим нередко приходилось оставлять производство и неподалеку от завода рыть окопы для Красной Армии. Улицы на протяжении многих миль были перекрыты баррикадами, и трамваи шли только половину пути до завода. А это означало, что дважды в день сын преодолевал долгую дорогу пешком под бомбежками. Каждый вечер, когда он приходил домой, становился счастьем, которое выпадало на долю все меньшего и меньшего числа матерей. Каждый вечер, когда он, возвратившись, обнаруживал, что дом все еще цел, тоже было счастьем, которое выпадало на долю все меньшего и меньшего числа рабочих. Матери с малыми детьми эвакуировались, но поезда, набитые женщинами с детьми, подвергались жестокой бомбежке. Враг обстреливал составы с продовольствием и продуктовые склады, приходилось сокращать нормы продовольствия по карточкам. Но мы держались.

Нацисты установили тяжелую артиллерию в Стрельне и Петергофе, вся та сторона, где расположены Кировский завод и завод сына, находились под постоянным артобстрелом. Однажды сын пришел домой, а на руках засохла кровь: он перевязывал раны своему товарищу. Помню, как однажды у заводских ворот к киоску выстроилась очередь за папиросами. Я едва успела купить несколько пачек для сына, как неожиданно снаряд буквально разметал всю очередь, словно вырвал землю из-под ног.

Никто в Ленинграде не был уверен, что в течение ближайших часов останется жив. По ночам наш дом сотрясался от разрывов бомб, крушивших соседние здания. Если сын оставался дома во время бомбежки, он обычно посмеивался надо мной, когда я прятала голову под подушку, заслышав пронизывающий воздух свистящий звук. В эти минуты он, прислонившись к стене, начинал перебирать струны своей гитары.

Бомбили электростанции, не хватало горючего, энергию часто не подавали. Фашисты захватывали все новые и новые города, фронт растянулся от Ленинграда до Черного моря. Киев и Севастополь все еще держались. По радио передавали перекличку рабочих Киева и Ленинграда, Севастополя и Ленинграда. Мужчины и женщины, знавшие, что смерть стучится в ворота их дома, голосами, исполненными мужества, обращались друг к другу через бескрайние русские степи, и я слушала и ощущала, что история никогда не знала такого массового героизма.

Нацисты ворвались в Киев. Севастополь пал. Улицы Ленинграда покрылись баррикадами. Мой сын вернулся после ночной смены, его лицо было сурово. «Плохи дела»,— сказал он.

Потянулись долгие дни. Воздух был наполнен артиллерийским гулом, город бомбили днем и ночью. В моей комнате время словно бы остановилось. Когда начиналась артиллерийская канонада, становилось жутко. Ко мне больше не приходили за материалом для местных газет. Все наши друзья либо сражались, либо помогали фронту. Мой сын был все время на заводе.

Я видела, как держится Ленинград, и понимала, чего это стоит. Наверно, легче представить себе военные побе-

---

Материал написан в 1944 году для журнала «Совьет Раша тудэй», издававшегося прогрессивными организациями США.

К 40-летию освобождения Ленинграда от блокады

ды, чем победу духа, силу организованности. А ведь именно организованность определяла всю жизнь в блокадном городе, поддерживала несокрушимый дух сопротивления, сплачивавший все его население.

Гитлеровские войска были остановлены у ворот Ленинграда, но город оказался в кольце. В декабре 1941 года эвакуация была прекращена, пути подвоза перерезаны. Продовольственные нормы несколько раз снижались. Мое сердце стало сдавать, и врач из клиники присылала ко мне ежедневно медсестру делать уколы. Медсестра сама была слаба от голода. У нее не было семьи, которая удерживала бы ее в городе, и когда я спросила, почему она не эвакуировалась, она сказала: «Я не могла даже подумать о том, чтобы уехать из Ленинграда. Я люблю здесь каждый закоулок».

Все голодали. Мой сын все еще излучал бодрую улыбку, но щеки впали, а когда он раздевался, больно было видеть, как он отощал. Я никогда не видела подобной худобы. Я тоже похудела и не могла поверить, глядя на свои ноги, что они мои. Трамваи перестали ходить, и многим приходилось пересекать город из конца в конец, чтобы попасть на работу. Начались жестокие холода. У моего мальчика стали неметь ноги. Я спорила с ним, требуя, чтобы он взял освобождение от работы. Он отвечал, что скоро начнут ходить трамваи. Я послала его в поликлинику, но он вернулся, сказав, что там огромная очередь и что он лучше пойдет на завод, потому что ему надо срочно выпускать заводскую газету. Было слишком много дел, чтобы позволить себе болеть. На следующий день, несмотря на его жалобные протесты, я отправила его к врачу. Он вернулся домой, получив бюллетень, однако было уже слишком поздно. Он умер от пневмонии 19 декабря 1941 года.

Во Дворце пионеров, находящемся на Невском проспекте, как раз напротив нашего дома, разместился госпиталь. За день до его смерти я договорилась, что его положат туда. «Давай отложим это до завтра»,— сказал он, когда я вернулась из госпиталя. Он был полон планов. Он просил меня выбрать для него палату, в которой окна не были бы занавешены. «Мне нужен свет,— говорил он.— Я возьму с собой книги и начну изучать новую специальность. Я вернусь на завод к первому января. Можешь быть уверена».

Мой сын не стал свидетелем самого страшного. Наши окна были забиты досками после того, как во время бомбежки вылетели все стекла. Электричества не было, но у меня осталось несколько стеариновых свечей. Топливо кончилось, но в самые жестокие холода в домоуправлении мне дали вязанку дров. В кухне из крана еще сочилась вода. Еще была стопка свежего белья. Вскоре мы лишились всего этого богатства.

Между тем Красная Армия, которой народ отдавал все свои силы, не только удерживала позиции. Она освободила Тихвин и отразила попытки врага замкнуть кольцо вокруг города. 25 декабря хлебная норма была повышена. Но рука голода все еще сжимала горло. Вымирали целые семьи. Дома превращались в пещеры, улицы — в кладбища.

Люди с изможденными лицами устало и медленно брели по улицам; некоторые тянули санки, на которых лежали покойники, завернутые в какие-то тряпки; их головы волочились по снегу, из-под одежды торчали разутые ноги. Лица живых опухли от недоедания или же, напротив, были желтыми и худыми, со взглядом, выдававшим муки голода.

Были созданы бригады по очистке снега, бригады по уборке домов, бригады по уходу за больными. Ленинград, голодный, окровавленный, находящийся под постоянным обстрелом, возвращался к жизни.

В феврале я впервые увидела счастливые глаза. Это была изможденная женщина; вернувшись после расчистки снега с бригадой, она рассказывала мне о том, какое радостное волнение испытала, увидев наконец часть освобожденной от завалов улицы. Она была одинока и совсем ослабла от голода. Ее мать, отец и брат один за другим умерли в течение нескольких дней, но ее глаза светились.

Радио сообщало о рабочих, повысивших выпуск продукции для фронта; о заготовке населением топлива в близлежащих лесах и торфяных болотах; об удивительном героизме детей, тушивших зажигательные бомбы. Железнодорожники, доставлявшие в город муку, вступили в социалистическое соревнование за повышение тоннажа грузовых составов. Дети под артобстрелом и бомбежками продолжали учиться в школах. Парки превращались в огороды. Медики делали все, чтобы предотвратить эпидемии. Подростки создавали бригады помощи на дому больным и семьям воинов Красной Армии.

Я пишу эти строки в ленинградском доме отдыха. Здесь одновременно каждые две недели отдыхают 800 человек; за месяц через него проходит 1600 человек. Дом отдыха расположен в «островной» части города, которая напоминает огромный парк. Эти дома считались красивейшими в старом Петербурге. Теперь они принадлежат ленинградским профсоюзам.

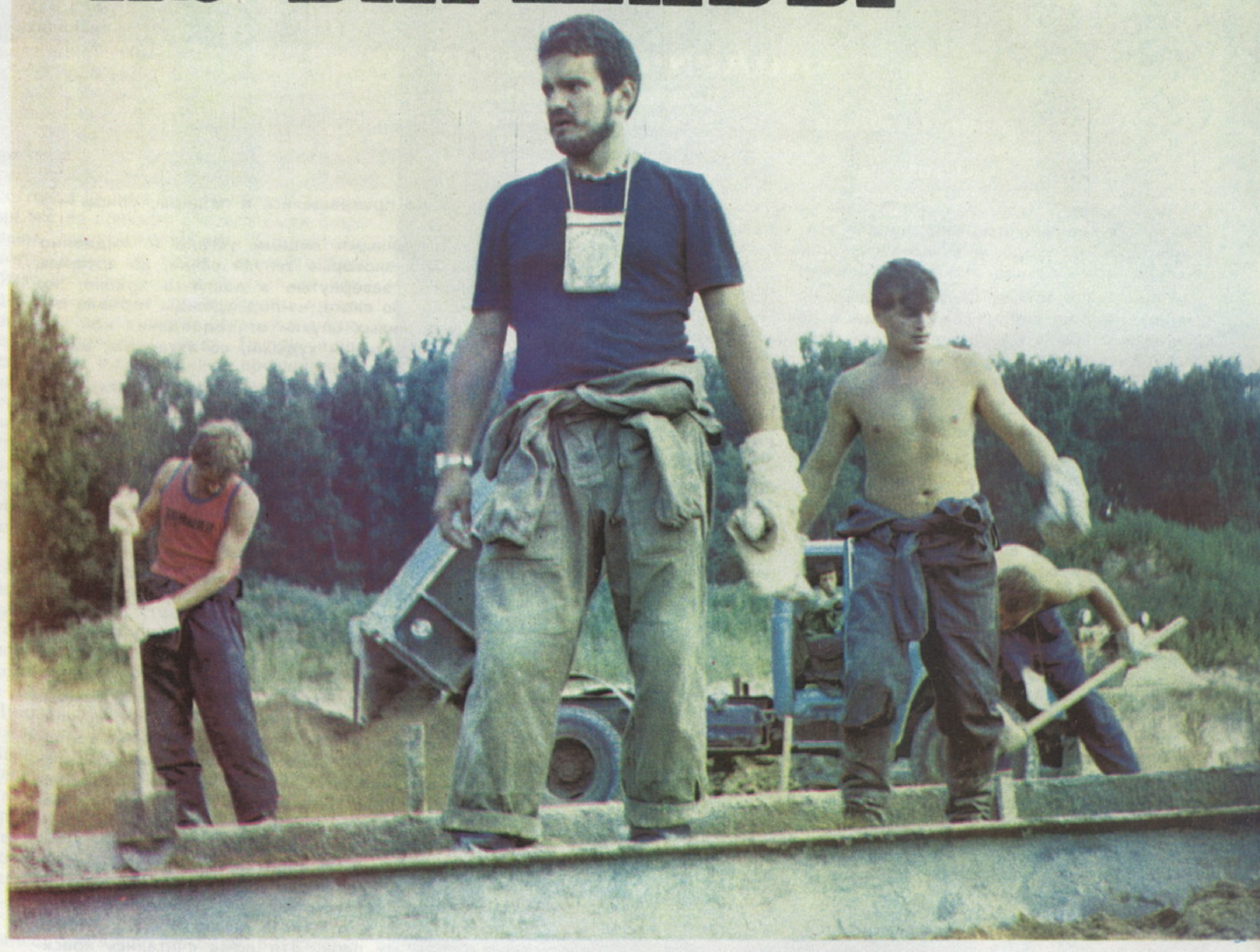
В начале блокады дом отдыха использовался под госпиталь. Красивые фасады его строений были изуродованы снарядами, окна забиты фанерой, выкрашенной в белый цвет. Потом здания подремонтировали, и рабочие Ленинграда приезжают сюда отдохнуть впервые с начала войны. Раны людей не столь бросаются в глаза, как те, что нанесены зданиям. Но за каждой улыбкой скрывается своя горестная история, объясняющая нам ту цену, которую заплатили за то, чтобы Ленинград остался непокоренным.

Мир должен знать эту цену, мир должен почувствовать эту цену, и мир должен действовать. В этом — залог спасения человечества.

27 января 1944 года орудийный салют в Ленинграде возвестил об освобождении города. Весь мир услышал, как ликуют его жители, но та цена, которую они заплатили за победу, запечатлена в их сердцах.

Перевел с английского Б. ГИЛЕНСОН

«МОСКОВИТЫ» ИЗ ВАРШАВЫ

Нарезать шампиньоны дольками, поджарить в масле, залить сметанным соусом, посыпать тертым сыром и запечь. Подать на сковороде, уложив на грибы дольки обжаренных помидоров, и посыпать укропом.

18 августа 1983 года. День как день — сто кубиков бетона.

Казалось бы, что общего между шампиньонами, запеченными в сметанном соусе, и бетоном? Тем не менее связь самая непосредственная. В совхозе «Московский» работает интернациональный студенческий отряд — вместе с ребятами из Московского университета студенты варшавских вузов строят комплекс для промышленного выращивания шампиньонов.

— Ну что, Збышек, похож я теперь на бойца ССО? — Корреспондент надевает рабочий комбинезон, куртку, натягивает рукавицы, берет лопату и становится членом бригады Збышека Демидовича. Бригадир скептически осматривает своего новоиспеченного рабочего и снисходительно похлопывает его по плечу.

— Похож. Но только вот руки...

— Что руки? — не понимает корреспондент.

По лицу бригадира расползается улыбка, густые пшеничные усы становятся еще гуще. Збышек протягивает свои ладони — тяжелые, зачерствевшие, будто два куска нагревшегося на солнце бетона,— руки бойца ССО.

Живут польские «Московиты» — так называется отряд, в который влились варшавские студенты,— в общежитии МГУ на Ломоносовском проспекте, а на работу в подмосковный совхоз, расположенный недалеко от Внукова, каждое утро отправляются на специальном автобусе. Путь недолгий — каких-нибудь двадцать минут. Но за это время Мариола Пашницка, студентка филологического факультета Варшавского университета, успевает рассказать мне почти обо всех.

Мариола, то и дело забрасывая свои белые кудри за спину:

— Нашего бригадира-усача Збышека ты уже знаешь. Вот это растянулся на заднем сиденье и спит богатырским сном Роберт, он заканчивает юридический факультет, очень серьезный и рассудительный молодой че-

ловек. Вот этот парень в очках и с интеллектуальной бородкой, который читает газету, Тадек, Тадеуш Серватка, он очень умный, занимается компьютерами. Рядом с ним Эля, она с педагогического, будет учить детей. Позади нас девушка спит на плече у парня — это Эльвира и Петр Возьняк, наши молодожены. Стройотряд для них — свадебное путешествие, они поженились накануне отъезда в Москву. Вот напротив, играет сам с собой в шахматы, еще один Петр, он всегда сам с собой играет и всегда выигрывает. Девушка рядом с ним — Эва Балага, она заканчивает экономический, но хочет стать журналисткой, будет работать в журнале по вопросам экономики. А вот это, на переднем сиденье, Леша, наш сопровождающий. У него такая огненно-рыжая борода, что все наши девушки в него поголовно влюблены. Из-за бороды мы его так и прозвали — Леша Барбаросса.

Алексей Прокубовский, сопровождающий интеротряда, стройотрядовец с завидным стажем. Три года назад он закончил факультет вычислительной математики и кибернетики Московского университета, работает в лаборатории кафедры вычислительных методов и каждое лето по-прежнему, как в студенческие годы, ездит в ССО.

Алексей, деловито:

— В совхозе уже есть шампиньонницы, строили голландцы по своему проекту. Замечательные шампиньонницы, но толку от них мало — ведь они на их, голландский, масштаб построены, разве на целую Москву таких хватит! Вот и решили построить целый комплекс для выращивания шампиньонов, но только теперь уже по нашему проекту, с нашим размахом. А ведь это целая наука — выращивать шампиньоны. Здесь и режим для них должен быть подобран оптимальный — температура, влажность, освещенность,— и настил почвы особый. А для почвы необходима солома, и не простая, а особая — ее будут привозить из Ставропольского края. А чтобы эту солому хранить, нужны склады. Вот бетонные площадки для этих складов мы и строим.

Автобус мчит по шоссе навстречу бетону. День как день — сто кубиков. Солнце еще совсем невысоко, но уже припекает. Внуково совсем рядом — над шоссе низко проходит огромный Ил-86. Автобус сворачивает у щита «Совхоз «Московский» и катит по вполне городским ухоженным улицам, то и дело ныряя в тень от 14-этажных башен. Позади мелькают скверы, кинотеатр, ресторан. Все это никак не ассоциируется с совхозом, скорее промышленный город-спутник.

Збышек, поглаживая усы:

— У нас в институте вывесили объявление — желающие могут поехать летом работать в стройотряд в СССР. Прихожу, а там желающих в три раза больше, чем нужно. Пришлось устраивать конкурс — у кого лучше успеваемость, кто ведет общественную работу. В разных городах Советского Союза этим летом работают свыше 500 польских студентов. В одной только Москве сто двадцать человек. В нашем отряде двадцать ребят — все студенты из Варшавы. Я сам заканчиваю строительный факультет Варшавского политехнического института, так что для меня работа здесь непосредственно связана с будущей профессией. Почему ребята избрали меня бригадиром? Наши девчонки говорят, что я бетон больше любимой девушки люблю. Шутят, конечно.

Кончаются поля бескрайних, до самого горизонта простирающихся теплиц, и автобус, обогнув березовую рощу, выезжает на строительную площадку. Первой из дверей вылетает Йола — Иоланта Тетера. Никогда не подумаешь, что вот эта маленькая девушка — гроза шоферов, что возят бетон с цементного завода. Дюжие ребята, косая сажень в плечах, так сросшиеся со своими КрАЗами, будто никогда и не существовали по отдельности, а всегда составляли единое целое, эти кентавры двадцатого века робеют перед ней, с восхищением ропща: «Ну, Йолка, ну, девка!» — послушно выполняют каждое ее приказание. Самое хлопотливое дело — руководство огромными неповоротливыми самосвалами на маленьком пятачке стройки — Йола взяла на себя.

Йола, размахивая руками:

— Еще бы, теперь не то что в первый день! Приехал самосвал, свалил бетон как попало, и привет. Ему лишь бы скорей свою ездку сделать и галочку поставить. А то, что швеллеры не готовы, что подушка из песка недостаточная, ему все равно. А ведь это значит, что слой бетона уже не десять сантиметров будет, а тридцать. А если это на всю вашу страну умножить? Сколько еще тогда заводов для производства бетона строить придется! В общем, сначала пришлось с шоферами поругаться немного, а теперь все у меня как шелковые. Один даже замуж предлагал. А я ему сказала: посмотрим сначала, как работать будешь. Вот он теперь и старается.

До бетона еще есть немного времени. Швеллеры — железные балки для укладки бетона — и песчаная подушка приготовлены еще с вечера. Можно

посидеть на травке и покурить. Петр достает из кармана шахматы. Девушки — маленькие зеркальца и расчески. Девушки всегда девушки, даже за пять минут до бетона. Марек Пендих, маленький, коренастый, как и богатырь Роберт, будущий юрист, достает помятую пачку «Беломора», заправски сминает в двух местах бумажный мундштук и закуривает.

Марек, смачно затягиваясь:

— Бульдозерист научил. Страшная штука.

Еще несколько минут можно расслабиться, полюбоваться на березовый лес, на поле, на далеком шоссе будто по стеблю снуют туда-сюда муравьи. Один за другим уходят в небо лайнеры. А прямо над бетоном вьется в нагретом воздухе стайка бабочек-капустниц. Но вот идиллия нарушается.

Йола, призывно:

— Бетон, хлопаки!

За деревьями поднимается к небу столб пыли. Это идет бетон.

Самосвалы подплывают медленно, тяжело переваливаясь с боку на бок, огромные, грохочущие, окутанные черными облаками солярки. Йола бросается им наперерез, что-то кричит, размахивая руками. Кажется, еще немного, и самосвал сомнет маленькую фигурку, даже не заметив ее, но вдруг что-то происходит, и гигантская машина становится совсем ручной, послушно разворачивается и медленно ползет, повинуясь каждому движению маленьких рук. Йола идет спиной, призывая к себе пальчиками самосвал, и тот катится за ней, будто привязан к ее пальцам за ниточки. «Стоп!» — кричит Йола, и самосвал в ту же секунду замирает. Йола поднимает руки, и кузов послушно лезет вверх, такой огромный, что загораживает собой солнце и половину неба. Несколько мгновений бетон остается в невозможном отвесном положении, потом вдруг медленно и неотвратимо, как судно со стапелей, многотонная масса начинает сползать вниз, и вот уже бетон обрушивается, расползаясь во все стороны,— огромная бетонная лепешка. Самосвал, освободившись от груза, прыгает легко, как мячик, складывает свой гигантский кузов, возвращая солнце и полнеба, и, снова окутавшись облаками солярки, отчаливает.

Работа несложная — разбросать бетон равномерно по площадке и пройтись по нему виброрейкой, стальной планкой с установленным на ней мотором, после нее бетон становится гладким и ровным.

Петр засовывает шахматы в карман. Марек щелчком выстреливает недокуренную папиросу в небо. Бетон не ждет.

Больше всех старается корреспондент. Грациозно и непринужденно он раскидывает неподъемный бетон, залихватски набирая себе полную лопату, шутками подбадривает новых коллег. Но хватает его ненадолго. Через некоторое время корреспондент ощущает, что, несмотря на рабочие рукавицы, его ладони горят от мозолей, однако, испытывая на себе любопытные взгляды всей бригады, и особенно девушек, продолжает работать как ни в чем не бывало.

Припекает. Куртки, рубашки, майки птицами летят на траву. На мокрых спинах перекатываются, сверкая на солнце, острые лопатки. Волосы на такой жаре вот-вот вспыхнут. Нет панамки или кепочки, хоть завяжи узлами носовой платок. В огромную гору бетона вгрызаемся со всех сторон, но уменьшается она медленно. Лопата с каждым разом становится все тяжелей и тяжелей. Бетон хлюпает и дрожит как желе. Постепенно все кругом исчезает — и березы, и поле, и шоссе. Весь мир начинает состоять только из бетона и лопаты. Даже когда на минуту останавливаешься перевести дух и закрываешь глаза, на тонкой стенке век прокручивается без остановки один и тот же кадр: лопата — бетон, лопата — бетон...

Збышек, Марек и Роберт впрягаются в виброрейку и ровняют бетон, а Йола уже взмахом руки поднимает на дыбы следующий самосвал. Машины с бетоном идут одна за другой. Только и успеваешь подбежать к бачку с ледяной родниковой водой и осушить в два глотка кружку, когда хочется залпом выпить весь бачок.

Когда счет машинам потерялся и корреспондент уже давно думает не о шутках, а о том, как бы не упасть, так и не дописав этот очерк, поток самосвалов неожиданно прекращается.

Перекур. Корреспондент садится, где стоял. Снимает ботинки. Протягивает ноги. Постепенно окружающий мир восстанавливается в своем былом обличье — появляются деревья, небо, облака, снова вьются и садятся на плечи бабочки. Их стайку то и дело относит ветром в сторону. Подходит бригадир Збышек и, хлопнув корреспондента по плечу, садится рядом.

— А ты молодец, корреспондент.

Корреспондент через силу улыбается, а сам думает — стать бы сейчас бабочкой-капустницей.

Збышек, поглаживая усы:

— Это только с виду кажется, что все просто — разбросал бетон, прошелся виброрейкой, и все в порядке. А на самом деле бетон — он ведь как живой и все понимает. Как ты к нему, так и он к тебе. Если ты к нему коекак относишься, без любви, то и он тебе тем же заплатит. Пройдет немного времени, и всю работу снова придется переделывать. А надо так бетон класть, чтобы навечно. А для этого разные хитрости есть. Можно просто так штырь для швеллера забить как придется, а можно под определенным наклоном, тогда лучше будет держаться. А под каким наклоном, даже не могу сказать — руки сами определяют. Можно бетон после виброрейки просто так высыхать оставить, а можно еще песок по нему разбросать, чтобы равномерно затвердевал. Да мало ли сколько еще хитростей. Главное — бетон любить. Ну, если хочешь, как девушку.

Перекур как перекур. Кто действительно курит, кто загорает, кто в лес убежал за малиной, кто в поле за зеленым сладким горохом. Петр достал свои шахматы. Другой Петр принес своей Эльвире букет из маков.

Эльвира, хохоча:

— Читаю перед сном Агату Кристи. Все девчонки уже спят, за окном темнота, молнии сверкают, вот-вот гроза начнется. Каждый раз отговариваю себя: «Эльвира, не читай детективы на ночь!» И все равно рука сама тянется к книжке. Вдруг смотрю, в окно чья-то рука стучится, а мы на пятом этаже живем. Я думала, умру от страха, а это Петр по пожарной лестнице забрался и принес мне цветы.

На обед польская и советская бригады — «Московиты» из Москвы работают тут же поблизости, тоже кладут бетон — уходят по очереди, чтобы не простаивали машины. По дороге варшавяне заходят посмотреть, как идут дела у советской бригады. Официально обе бригады не соперники, но необъявленное соревнование все равно ведется. Ничто не ускользает от придирчивого профессионального взгляда: как установлены швеллеры, какова песчаная подушка, сколько положено бетона, а главное, конечно, качество. Поляки, а с ними и корреспондент, не скрывают радости — сегодня явно они впереди. Однако соперничество соперничеством, но помочь друг другу обе бригады всегда готовы. А началось все с того, что как-то в самые первые дни польская бригада быстро управилась с работой, и ребята валялись на солнышке, поджидая автобуса, чтобы ехать в общежитие. А у советских ребят запарка.

— Эй, хлопаки, помочь?

— Сами справимся!

Но все равно польская бригада снова взялась за лопаты. Сообща в два счета управились. С тех пор даже что-то вроде традиции родилось — быстрее кончить работу на своем участке и спешить помочь товарищам. Вот и получается, что не соперники вовсе, а просто друзья.

Когда поляки приехали в Москву, отряд «Московиты» уже работал целый месяц. Командир Алексей Кумсков предложил устроить для гостей вечер знакомств. А уж чтобы прием получился хлебосольным, постарались все. Подготовили концертную программу, напекли пирогов, блинов. А переводчик, которого так долго искали, оказался и не нужен: все-таки как-никак славяне. А когда еще общению помогает дискотека и хорошая музыка — вообще никаких проблем.

И все-таки это не совсем обычный стройотряд. Почти все польские ребята в Советском Союзе впервые. Поэтому хозяева позаботились и о культурной программе для гостей. Так что стройотряд — это не только бетон, но и экскурсии, поездки, прогулки — Кремль, Красная площадь, Архангельское, Новодевичий монастырь, Загорск. Были варшавяне и на ВДНХ, и в Третьяковке, и в Пушкинском музее, и в цирке.

Общеизвестно, что человек проявляется в работе. А здесь все наоборот. На бетоне ребят не отличишь — все «вкалывают» как один. Зато как непохожи друг на друга в том же музее. Збышек, Тадеуш, Эва Яшчак ни на шаг от экскурсовода — внимают каждому его слову. Эва Балага, наоборот, принципиально ходит одна, доверяя лишь своему вкусу и своим знаниям. Марек в Третьяковке сразу побежал смотреть иконы и был страшно огорчен, когда узнал, что залы, где выставлены иконы, закрыты и откроются только в сентябре. Мариола в Пушкинском стала рассказывать девочке из Калуги — случайно с ней познакомилась, та попросила провести ее в зал импрессионистов — о картинах, о жизни художников, через минуту около нее стояла уже целая группа — так рассказывала она о Мане, Дега, Писарро, Ренуаре, Моне, Базиле.

Збышек Оджыгуш, с деланной серьезностью:

— А мне больше всего понравилась экскурсия на пивзавод. Сначала нас провели по всем цехам, познакомили с производством. Ну производство-то мне знакомо, у меня у самого дядя потомственный пивовар. А потом нас пригласили в лабораторию, где выводят новые сорта пива, вот это было здорово! Мы с Мареком попали как раз на дегустацию. Там собрался целый консилиум экспертов. Нам с Мареком тоже дали заполнить анкету, нужно было ставить пиву оценки — за вкусовые качества, за светлость и так далее. Когда заполнили, оказалось, что мы всего на одно очко с экспертами не сошлись. Отличное пиво!

Как это часто бывает, после обеда — а на питание жаловаться не приходится, обедают «Московиты» в ресторане совхоза, ничем не уступающем столичным,— у всех, несмотря на усталость и жару, появляется хорошее настроение, и в автобусе девушки поют. И не что-нибудь, а ту самую любимую с детства песенку про «крутится-вертится, хочет упасть, кавалер барышню хочет украсть».

Эва Балага, на удивленный взгляд корреспондента:

— Позавчера у нас был вечер в интерклубе. Кроме советских ребят, там были еще делегации Чехословакии, Югославии, Италии, Греции. Была замечательная дискотека, а перед ней — концерт. Выступали пионеры — в костюмах разных народов они исполняли народные песни и танцы. Потом был очаровательный клоун-фокусник — у всех на глазах распилил девушку. Предлагал быть распиленным всем желающим. Я сначала хотела пойти, но все-таки испугалась. Затем стали выступать от разных делегаций. Все пели свои национальные песни — итальянцы, греки, чехи. А нас никто ни о чем не предупредил. И вот выходит на сцену ведущий и говорит: теперь на сцену приглашается делегация из Польской Народной Республики. Все аплодируют — делать нечего, встаем и вылезаем на сцену. Отдуваться, так всей бригадой. Что петь — решаем по дороге. А это самое сложное. Ведь недаром у нас говорят: когда два поляка сходятся — это уже как минимум три мнения. Кто-то одну песню знает, кто-то другую. Короче говоря, стали петь песенку «Шла девочка до лесочка». И вдруг припев вместе с нами начинает петь буквально весь зал. Мы не понимаем, в чем дело, а оказывается, у вас тоже такая песня есть. По-польски там такие слова: «Где есть та улица, где есть тэн дом, где есть та дзевчина, цо кохам ён». Нам больше всех аплодировали. Даже на «бис» заставили исполнить.

И снова бетон.

Снова приплывают из клубов пыли огромные самосвалы. Снова укрощает их одним движением руки бесстрашная Йола. Снова послушно вздергивают машины кузова к самому небу, будто встают на задние лапки. Снова сверкают на солнце лопатки и мускулы. Еще быстрей тяжелеет лопата. Еще быстрей исчезают березки, поля, бабочки, самолеты. Все теплей кажется ледяная вода в бачке.

День как день — сто кубиков.

А когда работа все-таки позади, мы ложимся, кто на траву, кто на бетон — это уже все равно,— и смотрим, как взлетают из Внукова один за другим гигантские аэробусы. Петр объясняет Эльвире, почему самолеты, такие тяжелые, летают. Да, да, конечно, она понимает, аэродинамика, сопротивление воздуха, двигатели. Но все равно непонятно, почему эта сотня тонн летит. Петр сердится и начинает объяснять все сначала. Потом вдруг оба начинают смеяться и, увидев, что на них никто не смотрит, целуются.

Роберт, рассудительно:

— И чего люди спешат жениться? Я считаю, с этим делом спешить не нужно. Прежде всего — институт кончить. Потом на хорошую работу устроиться. Приобрести свое жилье, машину. А тогда уже и жену можно заводить.

А самолеты все взлетают один за другим. И непонятно, почему, несмотря ни на что, сотни тонн летят.

Автобус вот-вот придет и повезет «Московитов» из Варшавы, уставших и грязных после работы как черти, домой, в общежитие. Марек мечтательно рассуждает вслух, какие бы блюда он сейчас приготовил из шампиньонов, которые здесь, на его бетоне, вырастут. Петр играет сам с собой в шахматы. Эва Балага вдруг запевает, а остальные девушки сразу подхватывают — Окуджаву. И бригадир Збышек подтягивает, и рассудительный Роберт, и Петр, ставя сам себе мат, и Леша Барбаросса, и корреспондент. Мы поем и про последний троллейбус, и про виноградную косточку, и про Арбат, и, конечно, «пока Земля еще вертится...».

Мы лежим на нашем бетоне, шершавом, теплом, мягком, и он прижимается к нашим спинам, будто и вправду живой.

М. ШИШКИН
Фото Л. ОГАРЕВА

ВАШЕ МНЕНИЕ?

ЧЕЛОВЕК И ДЕЛО

ГОСПОДИН ЁСИДА НА РАБОТЕ

Нина ЧУГУНОВА

— Обсудим понятие «успех»,— предложила я.

— Господин Ёсида говорит,— сказал переводчик,— что в списке вопросов, который вы представили заранее, этот вопрос не следует первым.

— Извините,— сказала я.

Человек, побывавший на фирме [1], где служит господин Ёсида, рассказал, какими были его первые впечатления. На взгляд иностранца, пространство, занимаемое фирмой, крошечное. Фирма сравнительно молода, и в столице ей уже не удалось развернуться: здание в несколько этажей полностью забито сотрудниками. В другой стране такая скученность, возможно, помешала бы работе. Здесь недостаток места не воспринимается как недостаток условий для работы. Вы входите в зал, который лишь немного великоват для жилой комнаты, в нем работают пятьдесят человек и стоит тишина. Тишина не мертвая, а рабочая — обычная. Свежо, п р о с т о р н о. Работой заняты все. Все одеты в форму фирмы, подчеркнуто аккуратно, и даже кажется, что все носят одну и ту же стрижку. Сотрудник, который выглядит небезукоризненно,— это что-то чрезвычайное: он к работе не готов.

Господин Ёсида приехал в СССР, чтобы возглавить небольшую группу специалистов фирмы, ведущую шефмонтаж японского оборудования на строительстве химического комбината в Новгороде. Он заинтересовался темой «работа». Он попросил вопросы в письменном виде и время для подготовки. Слишком непривычно, объяснил господин Ёсида, размышлять о работе. Именно поэтому никто из его подчиненных не сможет участвовать.

— Мы не привыкли рассказывать о себе,— сказал господин Ёсида.

Он очень тщательно готовился и в назначенный день вновь просмотрел список вопросов, сосредоточился. Разговор начался с эпизода, описанного вначале: так в каждой мелочи, видимо, господин Ёсида обнаруживает в себе сотрудника фирмы, которой он служит. Он подтянутый, худой, в форменном отутюженном полуспортивном костюме, улыбающийся, спокойный, вежливый. К нашему разговору он подошел с серьезностью, которую, видимо, требует от себя всегда.

— Вас интересует, как молодой человек в Японии выбирает будущую профессию? — прочел господин Ёсида в списке.

— Да,— сказала я,— как составляется им программа будущего?

— Когда человек — юноша,— сказал господин Ёсида,— то о выборе, если он до сих не сделан, говорить уже поздно.

Он улыбкой смягчил категоричность своих слов, что делал и в дальнейшем.

— Восемнадцать-двадцать лет. Это время, когда все давно ясно. То, что я думаю о своем будущем, я написал в школьном сочинении, когда учился в третьем классе. То, что я написал, произошло.

— Замечательное совпадение! Но не всем так везет — исполнить мечту детства.

— Это не была мечта детства. Это было серьезное мнение относительно будущего. Я написал, что хочу заниматься изготовлением машин. Что касается мечты детства... Я раньше хотел работать на заводе игрушек. В моем детстве было слишком мало игрушек. В третьем классе я уже думал о машинах. В детстве я был гораздо свободнее, чем другие дети, такова была семья: отец не хотел слишком рано, по его мнению, подготавливать меня к мысли о работе. Обычно выбор совершается раньше, чем это было со мной.

---

[1] *— Будете ли вы давать полностью название фирмы? — спросил господин Ёсида по окончании нашего разговора.*

— Как будет угодно господину Ёсиде,— сказала я переводчику.

— Нам все равно,— сказал переводчик, служащий той же фирмы.

— Раньше? Как это делается, когда?

— Мы не будем говорить о тех случаях, когда сыновья должны наследовать профессию отца. Если бы мой отец был политиком, коммерсантом, адвокатом, врачом, о моем будущем нечего было бы долго рассуждать. Это можно понять: ведь дела нельзя оставить. И если есть магазин, контора, клиентура — все передается сыну.

— Выбор совершается родителями.

— Неточно назвать это выбором, потому что... не выбирают. Ребенок рано знает о том, что он будет делать в дальнейшем, и готовится к этому, но процесса выбора не происходит.

Все родители одинаковы: они делают свои ставки. Они мечтают, чтобы дети жили так же, как они, или лучше. У родителей есть свои представления о том, чем следует заниматься их сыну, чтобы достичь хорошего положения в жизни. Разумеется, ребенок не думает: вот я буду учиться в хорошей школе, закончу ее и стану хорошо учиться в университете, чтобы потом работать на хорошей фирме и, следовательно, быть счастливым. Ребенок так не думает, но родители так думают, потому что они хотят ясно представлять всю цепочку. Хорошая школа—это частная школа. Чтобы хорошо учиться в такой школе, необходимо поступить в такую школу, то есть сдать экзамен. Да, да, обсуждение будущего начинается очень рано!

— ...и в отсутствие ребенка при обсуждении?

— Нет. Родители не могут себе позволить по своему произволу готовить будущее сына хотя бы потому, что они заинтересованы в его удачливости, в счастливой карьере. Они наблюдают, стремятся понять своего ребенка и предположить, к какого рода деятельности он склонен. Все события детства, настроения, мелочи имеют значение... Что-то потом уходит, заменяется новыми увлечениями. Но образ будущей работы понемногу создается. В определенном возрасте будущую профессию можно уже назвать.

— Почему это так важно?

— Потому что работа... Видимо, это самое главное. То, от чего зависит жизнь человека, процветание, счастье...

— В третьем классе вы думали, что хотите заниматься машинами. Но потом ваше настроение может измениться — впереди еще так много времени!

— Конечно. Никто не утверждает, что мысли человека о будущем не могут решительно измениться. Поскольку мой пример нетипичен, то тут его как раз стоит привести еще раз: если бы мне не задали такую тему сочинения, я, возможно бы, и не определил свое будущее так ясно в третьем классе. Мой отец, которого я очень люблю и уважаю, много разговаривал со мной, но мало уделял времени разговорам о моей работе. Он считал, что свое решение я должен принять самостоятельно... лишь исподволь он внушал мне мысль об ответственности. Итак, человек вправе изменить свое будущее внезапно... но может ли это произойти внезапно для самого человека, для его родных? Ведь будущее складывается из мелочей каждого дня. И, с другой стороны, дети не так свободны размышлять над вариантами, потому что они слишком заняты. Они сдают экзамены, чтобы поступить в школу, сдают экзамены, чтобы продолжать учиться в следующем классе... ежедневно они обязаны очень много заниматься, чтобы развивать свои способности. Дети рано начинают делать то, что можно назвать работой. В будущем для них меняется только характер работы и увеличиваются нагрузки: переход от учебы к работе ощущается как постепенный... изменить что-то — значит испытать потрясение, озарение. Должно случиться нечто неожиданное.

— Вы говорите, что пример вашего детства нетипичный. Вы жалеете об этом? Теперь вы понимаете, что чего-то не взяли от своего детства? Будь оно организовано жестче...

— Я вспоминаю детство — и я счастлив. У меня было больше его.

— Дети, которые слишком «рано начинают делать то, что можно назвать работой», менее счастливы?

— Да... теперь я думаю, что наши дети — несчастные дети. Но ничего изменить невозможно, нельзя: сейчас другое время, чем то, которое вспоминаю я. Сейчас к работе требования еще жестче.

— Но они... что-то теряют? Меньше детства — больше взрослой дисциплины и, следовательно, меньше времени на то, чем должно быть заполнено детство. Вы сами назвали счастьем... свободу.

— Я любил создавать летающие модели самолетов! Потом для занятий этим стало слишком мало места в Токио... Я не смог больше заниматься своими моделями. Наверное, сначала я сильно жалел. Потом прошло. В жизни — на протяжении ее — человек должен будет от многого отказываться, часто от слишком многого.

— От многого ради одного?

— Да, ради чего-то одного.
— Дети не понимают этого?
— Да. Но все же от детства остается что-то.
— Что осталось в вас от детства?
— Машины.
— Машины?
— Да, я ведь собирался заниматься машинами — и занимаюсь ими.
— А что кроме этого?
— ...может быть, то, что я сумел оценить свое детство.
— Но что-то ведь должно было остаться в вашем характере, заложенное в детстве?
— Мой отец учил меня быть самостоятельным. Всю жизнь я стараюсь быть самостоятельным. Наших детей приучают к мысли, что некоторые решения и поступки они должны делать как бы в одиночестве — брать ответственность за них только на самих себя. Ни на кого не надеяться в тех случаях, когда решение важно.
— Вы так поступали всегда?
— Я старался.
— Вы закончили школу...
— Потом техническое училище. Потом я учился в Токийском университете.
— И наконец, вы работаете на фирме!
— Нет. Сразу после окончания университета я некоторое время — полтора года — проработал на фабрике по производству водонепроницаемой упаковки, я стоял на пункте контроля за качеством.
— Далековато от машин!
— Я оставил эту работу.
— Рисковали?
— Да.
— Это ваше самостоятельное решение? Вы гордитесь им?
— Я был еще, к счастью, молод и не совершил почти непоправимую ошибку: не испугался риска и не остался там, где мне было неинтересно работать. Видеть полиэтиленовые ящики для меня было невыносимо. Неинтересно — это самое страшное, что может случиться с человеком на работе! Я бросил это. Через некоторое время я работал на фирме, выполняющей заказы на новое оборудование различного назначения. С тех пор работаю.
— Теперь вы не смогли бы так решительно переменить свою работу, жизнь?
Переводчик:
— Господин Ёсида говорит, что некоторые вопросы, приведенные в списке, поставили его в тупик, так как ему показалось, что они слишком касаются его души...
«Способны ли вы решительно переменить свою жизнь?» — пропущенный вопрос.
— Господин Ёсида, прежде чем вы перейдете к рассказу о вашей работе на фирме, расскажите хотя бы немного о том времени, когда вы учились в университете. Мне показалось, что вы считаете обязательной чертой молодости — умение принимать решения.
— Когда я учился в университете, у меня были друзья... Мы любили собираться своим кружком, потягивать из чашек сакэ, обмениваться новостями; со стороны могло показаться, что мы понапрасну убиваем время, но для нас это время было важным... Я сумел оценить это потом: мы обменивались новостями, говорили друг другу о том, что происходило с каждым, советовались относительно нашего будущего. Много говорили! Друзья не всегда есть у человека. Иногда их не случается в судьбе вообще. У меня они были. Это мое счастье. Я потом понял. Как много советов я слышал от них, сколько давал!
— Наверное, вы почти не расставались, такова университетская жизнь: все общее — экзамены, увлечения...
— Мы встречались после занятий.
— После лекций — и вместе на весь день!
— Нет, после того, как каждый из нас заканчивал ежедневную учебную подготовку. Никто ведь не забывает своих обязательных дел, занятий ради встречи с друзьями. Друзья — это отдых. Дела — это жизнь.
— Но вы, конечно, вместе готовились к сложным экзаменам?
— Это не принято.
— Не принято помогать друг другу?
— Учеба — это область личного. Не принято вторгаться в область личного. Я думаю, что это просто понять.
— ...Каким человеком вы были тогда? Вы были другим человеком, когда были молоды?
— Не знаю.
— Стремились ли вы по-прежнему к самостоятельности? Были ли уверены в себе, верили ли в будущее?
— Я никогда не был уверен в себе. Нельзя слишком сильно верить в себя.
— Почему?
— Потому что это неправильно, вредно.
— Но стремились же вы к самостоятельности?
— Да. Сейчас я понимаю, что вокруг меня было много людей, мнение которых имело значение для меня. Но тогда я был уверен, что я решаю сам. Это ощущение важно, насколько бы справедливо или несправедливо оно ни было. Такое самоощущение скорее ведет к успеху.
— В то время вы сами определяли программу будущего?
— Я думаю, что такая программа никогда не бывает определена самостоятельно. Что должен решать молодой человек, когда он уже учится в университете, то есть когда он уже решил, зачастую очень давно и с помощью родителей и других людей, следовательно, полностью несамостоятельно? Он может принимать сам лишь попутные решения, связанные с подробностями следования программе: как исполнить то или другое, как скорее добиться цели, как приняться за новую цель. Но программа не меняется, она есть. Я учился, чтобы стать специалистом. Подсознательно я был уверен, что скорее всего я буду заниматься тем, что будет мне нравиться. У меня было немного вопросов к самому себе и никаких сомнений относительно своего решения.
— Тогда. А сейчас?
«Господин Ёсида говорит, что некоторые вопросы слишком касаются его души...»
— Мы говорим с вами о самостоятельности, о смелости принимать решения и отвечать за эти решения. При этом вы несколько раз повторили, что программа, которой следует человек, совершенно несамостоятельна. Как соединить одно с другим?
— Что?
— Человек воспитывает в себе чувство ответственности, старается сам отвечать за свои решения и, оказывается, действует, живет и планирует жизнь согласно программе, выработанной помимо него.
— Человек не в силах сам справиться со своей жизнью... В моей нынешней работе я стараюсь прислушиваться к мнению специалистов, компетентных больше, чем я, в каком-либо узком вопросе. Успех часто зависит от скорости, с которой принято решение,— следовательно, от того, как быстро найдется подходящий собеседник. Это пример из практики, доказанный много раз. То же происходит и в жизни. Нет отдельной жизни отдельного человека. Человек не может быть независимым: независимым от многих.
— Итак, теперь вы считаете, что ничего нельзя решить самостоятельно?
— Со временем я понял, что жизнь человека невозможна иначе.
— Куда же направить воспитанную привычку р е ш а т ь?
— Жизнь не может обойтись без повторения — это естественно. Но в работе смелость и способность принимать решения необходимы.
— Сейчас мы ведем разговор о вашей работе, о том, как организована жизнь служащего. Я хочу узнать ваше мнение вот о чем: применимо ли к человеческой жизни понятие «дисциплина»? Только что мы говорили о том, что жизнь человека идет по известной программе, то есть человек не может безнаказанно противоречить этой программе...
— Все так.
— ...следовательно, в жизни требования дисциплины чрезвычайно высоки? Так же высоки, как на службе, или больше?
— Слово «дисциплина», может быть, слишком опреде-

ленно для такого предмета, как человеческая жизнь. Но я думаю, что да, есть дисциплина человеческой жизни. Неощутимо она существует. Существует и никем никогда не отвергалась обязательная для всех дисциплина работы и дисциплина компаний для служащих компаний, и также принимается дисциплина отношений между людьми. А дисциплинированный в работе и в отношениях с окружающими человек не может стать другим в иной области своей жизни. С другой стороны, то, что мы назвали дисциплиной жизни, в жизни, по-моему, не ощущается как кодекс суровых требований. Это вопрос воспитания. Некоторые требования в интересах личности желательно не ощущать как излишне высокие или суровые, а исполнять. Ну а ко мне понятие «дисциплина» неприменимо. У меня нет своей дисциплины. Мне не приходится заставлять себя что-то делать или чего-то не делать.

— Так? И вы никогда не испытывали разочарования? Вы умеете легко бороться с упадком сил, с непременным для человека неверием в себя — хоть раз это наступает,— вы спокойны?

«Господин Есида говорит, что некоторые вопросы слишком касаются его души...»

— Расскажите, как проходит ваш обычный день.

— Моя должность такова, что зачастую вечером я не могу с точностью сказать, в чем будет заключаться моя работа наутро. Фирма получает слишком много заказов... Сначала мы готовим проекты, техническую документацию, проходит серия напряженных моментов, связанных со сдачей проектов. Потом мы размещаем наши заказы на выполнение проектов, идут совещания с исполнителями, снова приближаются сроки... Каждый проект проходит около трех лет — от заказа до результата. Работа идет нервная, с короткими передышками. Приходится много работать головой. Иногда слишком много.

— Что значит «слишком»?

— Это значит, что мы начинаем работать все время.

— И вечерами?

— И вечерами и ночью. Приходится работать без сна.

— Как долго вы можете работать без сна?

— Обычно? Пятьдесят часов.

— Эти пятьдесят часов вы не выходите из здания фирмы?

— Если отвлекаться, сроки могут быть нарушены.

— Вы и ваши сотрудники не допускают нарушений, отсрочек? Но ведь порой происходит непредвиденное!

— Опозданий быть не может. Прежде чем произойдет нарушение, я должен предотвратить его. От моей работы и от работы нашего отдела зависит работа других отделов, это длинная цепочка. Из-за элементарного нарушения, допущенного только одним человеком, вполне может задержаться выполнение всей работы, и фирма будет неважно выглядеть в глазах своих партнеров. Поэтому работа всех должна быть коллективно отлаженной. Каждый из нас должен хорошо проявлять себя и тогда, когда он включен в чужую работу. Это касается обмена мнениями. Большинство проблем решается коллективно. Все понимают, что нужно прилагать общие усилия...

— В какой степени вы в работе самостоятельны?

— В той степени, в какой я могу лично предложить решение какой-либо проблемы, конечно, не считая того, что работа, которую делаю я, зависит только от меня. В конце концов, самостоятельность на службе — это простое выражение ответственности в рамках компетенции.

— Вы сказали, что работа требует от вас зачастую слишком большого напряжения сил...

— ...да, очень.

— ...значит ли это, что сроки и рамки, регламентирующие вашу работу, слишком жестки? Сроки нереальны?

— Нет, почему же. Наша работа исполняется. Другое дело, что, возможно, большего напряжения допускать уже нельзя, потому что качество работы может снизиться. Но сроки исполнения устанавливаются руководством по договоренности с заказчиком, и я думаю, что ни одной из сторон не выгодно, чтобы заказ был выполнен с отклонениями от качества или от сроков.

— Следовательно, напряженная работа — это нормальная работа?

— Конечно. Работа и должна исполняться с напряжением. Ум, силы человека должны быть ею захвачены.

— Но, конечно, вы отвлекаетесь немного, например, чтобы поесть?

— Почти не отвлекаемся. Еду, когда мы работаем ночью, нам приносят из соседнего ресторана. Это заказывает фирма.

— Как к этому относится ваша семья?

— Я звоню моей жене, предупреждаю ее о том, что не приду.

— Вы устаете?

— Я думаю, что никому не приятно показывать свою усталость.

— Приходится ли вам специально настраиваться на особенно напряженный рабочий день?

— Я делаю это ежедневно, а не в особенные дни. Так привык.

— Расскажите, пожалуйста.

— Я встаю в семь тридцать и в восемь десять завожу машину. В дороге у меня есть двадцать пять минут, я стараюсь представить себе весь оставшийся объем работы. Я распределяю части моей работы по степени важности и по степени решаемости проблем на сегодняшний день.

— ...вы не ставите перед собой слишком много задач на день?

— Я уже давно знаю, сколько я могу успеть. Кроме того, я работаю не один: невыполнимые задачи ставить нельзя.

— Продолжайте, пожалуйста.

— Я хочу, чтобы к моменту, когда я приеду на работу, в моей голове была полная ясность, и чтобы я сразу приступил к работе. У меня есть еще минут двадцать, чтобы поговорить с сотрудниками.

— ...о том, о сем?

— О работе. Возможно, за короткое время со вчерашнего дня произошли кое-какие изменения, есть новости, мысли, предложения, идеи и так далее.

— Девять часов. С этой минуты все работают, не поднимая головы.

— Нет. Сотрудник фирмы может встать, пройти за тем же кофе, выкурить сигарету. Но даже и сидя за столом, надо следить за своей работоспособностью и хорошо распределять силы.

— Если человек начинает уставать хронически...

— При поступлении на работу кандидат проходит проверку. (Диплом университета может получить только весьма прилежный человек.) Он начинает работать на нашей фирме, уже зная, как ему следует работать, чтобы вызвать доверие к своей работе и к себе. Также замечу, что наша фирма неоригинальна в организации работы. Зато фирма почти никогда не отказывается от людей, которых она принимает на работу. Это означает, что все принятые быстро привыкают к нагрузкам, готовы к ним, и нагрузки для них не столь обременительны, как это может показаться постороннему лицу, не прошедшему школы такой работы.

— Но человек — живое существо.

— Срывы возможны лишь тогда, когда человек переоценивает свои способности.

— Мне кажется, что старательный человек может увеличивать напряжение своей работы как бы незаметно для себя самого...

— Здоровье! Раньше, когда я еще не служил фирме, я было совсем забросил спорт. А ведь перед университетом я постоянно ходил на корт, был в хорошей форме... Едва на фирме открылся собственный корт, я немедленно начал заниматься вновь. Мне стало гораздо легче настраиваться на работу, я больше стал успевать.

— Спорт для вас тоже подчинен работе?

— В университете я ленился: считал, что спорт — развлечение. Наша фирма заботится о здоровье сотрудников. Регулярно предпринимаются быстрые пешие прогулки, в которых принимает участие половина сотрудников. В такой день мы все собираемся в четыре утра и находимся в пути восемь-десять часов.

— И сколько так вы проходите?

— Примерно семьдесят километров.

— Но это уже бег!

— Да, такой легкий бег, быстрая прогулка. Все идут ровно, потому что всем понятно, что это мера оздоровительная, а не спортивное состязание.

— Все сотрудники занимаются каким-либо видом спорта?

— Иногда молодые сотрудники не понимают ценности спорта, и их приходится приохочивать к спорту... принудительно.

— Идеал сотрудника — бодрый, неутомимый, спокойный?

— Я думаю, что такой человек приятен всем.

— Вы обедаете со всеми?

— Нет. Я заметил, что мне необходимо менять обстановку во время перерыва, и тогда опять хорошо работается. Поэтому я выхожу из здания, немного прогуливаюсь по улицам, смотрю на лица... Обедаю в ресторанчике неподалеку.

— После перерыва вам не приходится вновь настраиваться на работу?

— Нет. Вечером трудно заставить себя не думать о работе, а это надо сделать. Но я не достиг совершенства, увы!

— Когда заканчивается рабочий день?

— В половине шестого.

— Опишите, пожалуйста. вашу жизнь с половины шестого?

— Работа продолжается, я не возвращаюсь раньше девяти, но чаще задерживаюсь до одиннадцати. Утром я не знаю, во сколько я вернусь домой.

— И это обычная работа, не самый напряженный день? Что же вам остается после работы?

— Я люблю смотреть одиннадцатичасовые новости по ТВ.

— Вы любите смотреть телевизор?

— Я люблю смотреть одиннадцатичасовые новости.

— Вы всю жизнь посвятили работе?

— Я не думаю, что я принес много жертв. Просто когда человек молод, он интересуется многим, когда он взрослеет, он должен понять, от чего ему лучше отказаться пораньше, с тем чтобы добиться в жизни желаемого.

— Перед своей работой вы чисты: вы выполняете все, что требует ваша работа от вас?

— О нет! Я думаю, что делаю далеко не все для увеличения моей производительности и работоспособности. Некоторые из наших сотрудников ищут какие-то курсы на стороне, много занимаются дополнительно к тому, что предлагает фирма.

— Курсы, организуемые фирмой, обязательны для сотрудников?

— Нет. Это шанс, который дает фирма каждому сотруднику. Его личное дело, воспользоваться им или упустить... Фирма замечает, насколько предан сотрудник работе и делу. Фирма замечает все.

— И сотрудник чувствует, когда им недовольны? Как это ему дают понять?

— Никак. Все сотрудники нашей фирмы демонстрируют в своей работе рвение и преданность делу.

— Видимо, вашу «вину» перед работой видите только вы.

— Нельзя быть довольным своей работой. Это недопустимый по отношению к работе тон.

— Так что же мешает вам, к примеру, найти для себя еще один курс лекций, если это настолько необходимо?

— ...я чувствую, что мне надо бы также читать и художественную литературу для развития мышления. Но, когда я прихожу домой... не хочется, сказать правду.

— Согласитесь, что фирма воспитывает людей.

— Возможно.

— Господин Ёсида, мне кажется, что вы утомились разговором.

— Нет, нет! Просто, когда я готовился к нему, у меня немного разболелась голова.

(Вопрос, оставшийся без ответа: Что должно произойти в вашей жизни в будущем?)

Господин Ёсида выглядел человеком, преодолевающим усталость. Ему сорок лет...

ДА, НО...

Запись беседы нашего корреспондента с японским специалистом редакция «РОВЕСНИКА» предложила обсудить молодым работникам Московского завода счетно-аналитических машин. Их мнение по некоторым из затронутых вопросов может служить началом разговора, к которому мы приглашаем читателей. Просим направлять письма с пометкой на конверте «Ваше мнение?».

Александр СУНДИЕВ, монтажник. О чем этот материал, который мы обсуждаем? Можно ответить так: об отношении человека к работе, о его месте в производстве, об организации производства, об ответственности, о воспитании работника. Это, наверное, будет правильный ответ. Но можно сказать и по-другому. Это беседа о жизни. Потому что работа — это все. И место в обществе, и уважение в семье, и воспитание, и характер. Какой человек на работе — такой он и в жизни. Честный или ловчила, товарищ или захребетник. Так у нас. А вот как в Японии?

Из материала ясно, что там уже в детстве готовят к будущей работе. Что ж, это совсем неплохо. Их, правда, приучают, что в жизни так: сколько на тебя нагрузят — столько и вези. Так надо, иначе пропадешь. То есть их приучают к мысли, что надо быть послушными. На мой взгляд, это не дисциплина — это воспитанная покорность. И получается, что хорошая в принципе вещь — подготовка к труду с детства — не служит на пользу самому человеку.

Дальше. Начинает японец работать, и фирма, заметьте, покупает не только его труд, а его всего без остатка. Он ей служит будто богу какому-то. Действия ее не обсуждают, не критикуют. Создается впечатление, что на такой фирме идеал работника — это робот, это деталь машины.

И в то же время из интервью ясно, что к делу японцы относятся серьезно, честно. С такими людьми по идее хорошо работать, на них можно положиться. Так что все сложнее, потому я и сказал, что это материал о жизни. Ведь если мы задумываемся о себе, о своих качествах, то каждый из нас видит себя как члена коллектива, члена общества. А из ответов господина Ёсиды получается так, что японский работник видит себя только частью механизма и собственную ценность он только в этом и усматривает.

Но есть вещи, которые производят впечатление. На фирме господина Ёсиды опоздание с выполнением заказа исключено. Такого у них просто не бывает. Вот это настоящая производственная дисциплина. У нас как бывает? Поставщики срывают сроки, и у них обычно находится сто оправданий. А на самом деле такому срыву задания не может быть оправданий. Японцы это ведь могут.

У себя в цехе мы в таких случаях выходим из положения благодаря товарищеской взаимопомощи. Пусть детали пришли не в срок, стараемся сдать без опоздания. Если мне нужно за день сделать работу, которая требует полтора дня работы, мне всегда ребята придут на помощь, а в другой раз я им помогу. Другое дело, что этот метод не может быть правилом, не должен быть правилом.

Мне понравилось рассуждение японского специалиста о дисциплине жизни.

Дисциплина должна быть второй натурой. На работе, в быту, в любых обстоятельствах такой человек ведет себя честно, порядочно и по-другому не может. Это ему нетяжело. Вот вести себя расхлябанно ему неловко.

Марина МОЛЧАНОВА, инженер. Александр начал говорить об отношении человека к работе, о дисциплине, а перешел к тому, что человек должен быть честным, порядочным, надежным. Это уже вопросы нравственности. Но в жизни так все оно и есть: отношение к труду, дисциплина — основа нравственности. А характер нравственности зависит от характера общества. Поэтому многое в опыте японской организации труда вызывает интерес и в то же время сопротивление.

На японском производстве требуется, чтобы человек отдавал себя делу полностью. Что ж, увлеченность своей работой — это понять можно. Помню, я еще была на заводе на практике, и два инженера, работавшие на ЭВМ, все время оставались по вечерам. У них было важное задание. Я наблюдала за ними и завидовала. Думала, вот бы мне стать таким специалистом. У японцев же на фирме, о которой идет речь, в ходу, так сказать, принудительная увлеченность, попросту выжимание соков. Друзья, семья, привязанности, личные интересы человека — все в сторону. В этом есть что-то бесчеловечное.

Нам всем показалось странным, что в Японии дружба — это, как бы сказать, элемент досуга. Как я поняла, японские студенты не готовятся вместе к экзаменам именно потому, что не хотят делиться знанием. Знание — это своего рода личное оружие в борьбе за место в жизни, и чего ж его отдавать другим! По-моему, в понимании дружбы, в отношении к дружбе хорошо видна разница между нашим обществом и в данном случае японским.

Андрей ЯКУШОВ, монтажник. Когда мы говорим об отношении к работе, то, конечно, на первое место ставим дисциплину. Дисциплина — это уважение к работе, к самому себе.

Как такую дисциплину воспитать в каждом? Думаю, без чувства ответственности дисциплины не бывает. А для этого надо, чтобы и окружающие с детства к человеку, пусть ему восемь или десять лет, относились с уважением. Доверяли ему самостоятельное дело, а потом спрашивали с него. Так, по-моему, воспитывается чувство ответственности.

Вообще взаимоуважение для воспитания дисциплины очень важно. Правильно говорит господин Ёсида, ни у кого нет права навязывать другому свое плохое настроение или, скажем, безразличие к делу.

Теперь возьмем такой вопрос, как здоровье. Из беседы понятно, что фирма видит в здоровье сотрудников свою выгоду: от здоровых можно больше получить. Вялый, слабый человек и работает хуже. Но здоровье везде капитал. У нас же многие считают здоровье только своим личным делом и начинают думать о нем, когда его уже нет. А вот на июньском Пленуме о здоровье было сказано так: человек должен смолоду знать свой организм и уметь поддерживать его в порядке. Так что это дело и общественное и личное. Та же самодисциплина.

Людмила САННИКОВА, инженер. Мне понравилась мысль о соответствии человека занимаемой должности, а точнее, выполняемой работе. Руководитель должен хорошо знать своих людей (а для этого чтение художественной литературы совсем не роскошь, а самая первая необходимость), их характеры, проблемы. Я не вижу ничего плохого, если сотрудник и в рабочее время придет к руководителю и расскажет о своих проблемах. Если его поймут, помогут, он потом эти полчаса наверстает и вообще лучше работать будет. Когда руководитель знает своих людей, он и работу распределит так, что каждый ее сделает по максимуму. Тогда не будет склок, несправедливости. (Я вообще считаю — склоки от плохой организации труда, от безделья.)

У меня такое впечатление, что человек на японской фирме программируется как машина, а программа очень узкая, всего на несколько операций. В его жизни нет друзей, книг, практически семьи — вместо всего этого интересы фирмы. Трудно даже представить, как он будет жить, если его уволят. По-моему, там главная установка такая: или работа пожизненная, или безработица пожизненная.

Римма СМИРНОВА, рабочая. В беседе я запомнила такие слова: работа — это то, от чего зависит жизнь человека, процветание, счастье. Ведь с этим нельзя не согласиться. Если у человека нет своего дела, которое он любит, а любит потому, что хорошо его знает, хорошо его делает, у него жизнь пустая, ему плохо, скучно. Значит, очень важно найти, правильно выбрать такое дело, профессию. Вот в Японии представление о будущей работе у человека складывается еще в детстве, и это, по-моему, очень правильно.

В материалах июньского Пленума прямо говорится о необходимости соединения обучения с производительным трудом. Вот сейчас есть в школах трудовая практика. Сколько раз я видела: сидят ребята в школе на подоконниках и ничего не делают. Работу для них организовать не сумели. Какая же это трудовая практика?

Мы, по-моему, слишком оберегаем детей от жизни, хотим, чтобы они подольше сохранили детскую беззаботность, и в ней видим залог счастливого детства. Это идет от гуманности нашего общества. Но, как говорят, недостатки — это продолжение достоинств. Человек кончил школу — считается, что он еще ребенок, кончил институт — почти ребенок, потом он долго ходит в молодых специалистах, все подает надежды, а там, глядишь, и на пенсию пора.

Я согласна с японским специалистом, что напряженная работа — это нормальная работа. В особенности в наших условиях, когда и трудовой коллектив, и профсоюз не допустят непосильных нагрузок. Об этом я говорю в связи с молодыми специалистами. Человек пришел полный сил, энтузиазма — ему надо доверять самостоятельную работу, нагружать его, чтобы могли проявиться все способности.

Нелля МАВЛИХАНОВА, оператор ЭВМ. По-моему, выбор профессии в детстве, юности — это очень важно. И никакому счастливому детству это не помешает. Еще в школе можно познакомиться и попробовать себя в разных профессиях. А можно и сразу выбрать. Это уж как повезет. Мне, например, повезло, я еще в восьмом классе решила, что стану оператором, и стала. И очень довольна, мне нравится моя работа.

Здесь верно говорили о самодисциплине, она совершенно необходима и каждому человеку, и обществу, чтобы нормально работать, отдыхать, вообще жить. Но я хочу обратить внимание на другое. Мы привыкли участвовать в жизни всей страны, всего общества: всегда что-то обсуждаем, предлагаем, критикуем. Мы иногда даже слишком многого требуем от других и меньше от себя. А вот в Японии, как это видно по разговору с господином Ёсидой, дело обстоит иначе: в Японии человек надеется только на себя, будто вокруг него нет людей. Когда человек требователен к себе, мне нравится. Но это, наверное, страшно — чувствовать себя вот так: тебе не на кого рассчитывать, никто тебя не поддержит.

Ольга МИСЯЧЕНКО, техник. Мне кажется, очень важно, чтоб человек, придя на работу, был внутренне готов сразу, без раскачки взяться за дело. И я думаю, что такая готовность, она и внешне как-то проявляется. Вот на фирме все аккуратно пострижены, все одеты соответствующе своей работе.

По-моему, у нас тоже можно было бы разработать несколько моделей рабочей одежды. И каждый бы выбирал в соответствии со своим производством. Ведь не у каждого человека есть вкус и понимание, да и возможности придумать себе такую одежду для работы, чтобы она была красива и функциональна. Я согласна, что расхлябанный человек к работе не готов.

А. СУНДИЕВ. Я думаю, что мы коснулись далеко не всех проблем, о которых заставляет задуматься этот материал. Но ясно одно: и отрицательные и положительные моменты организации производства, проблемы дисциплины — короче, японского опыта — вызывают интерес. И хотя их методы для нас неприемлемы, но кое-что, переосмыслив и перенеся на нашу почву, обогатив нашими возможностями, можно и использовать.

Как любители чистого воздуха, лужаек и ручейков, члены партии «зеленых» мало волновали политиков; положение, однако, изменилось, едва выяснилось, что речь идет не только о природной атмосфере, но и о политической. Когда же «зеленые» в джинсах и пуловерах появились в стенах бундестага, отчего позеленели лица его чопорных служителей, когда их голос стал явственно слышен на политической сцене ФРГ, многие задались вопросом:

«ЗЕЛЕНЫЕ»: кто они и чего хотят?

Александр БОВИН,
политический обозреватель
«Известий» — для «Ровесника»

Заседания западногерманского бундестага — процедура довольно рутинная. Как правило, они проходят по принципу: «Оппозиция и правительство, будьте взаимно вежливы». Но вот в депутатских креслах появились «зеленые», и атмосфера изменилась. Стертый парламентский язык стал сочным и выразительным. Вещи стали называться своими именами.

Два примера.

Выступает генерал-майор в отставке Г. Бастиан, главный эксперт «зеленых» по военным делам: «Правительственное заявление... в тех вопросах, которые касаются политики безопасности... скорее похоже на объявление о банкротстве. Именно о банкротстве, поскольку федеральный канцлер, к сожалению, ограничился повторением до тошноты известных обманчивых формулировок типа так называемого довооружения, так называемых двойного и нулевого решений, которыми устлан путь в политический тупик в области безопасности».

Выступает П. Келли, одна из лидеров «зеленых»: правительство «пренебрегает законом, обеспечивающим жизнь и выживание»; правительство поддерживает «самый отвратительный военный режим»; «зеленые» выступят инициаторами внепарламентского сопротивления, инициаторами «кампании неповиновения» против «человеконенавистнической политики Бонна».

Вот такой не очень-то привычный для парламентариев лексикон.

Но лексикон — это, так сказать, цве-

точки. Появились и ягодки. На торжественной церемонии в Гессене депутат земельного ландтага от партии «зеленых» Ф. Швальба-Хот облил красной краской американского генерала. «Можно спорить о форме протеста против авантюристической ракетной и военной политики администрации Р. Рейгана,— писала газета «Унзере цайт».— Но сам по себе протест заслуживает уважения и поддержки. Поэтому муссируемые буржуазными политиками тезисы о некоем «кровавом терроризме «зеленых»... являются не чем иным, как вопиющим лицемерием. Мундиры американских военных запятнаны кровью корейцев и вьетнамцев, лаосцев и кампучийцев. Где бы ни побывали американские войска, повсюду они оставляли свой кровавый след».

Так кто же такие «зеленые», которые, как они сами заявляют, находятся в «фундаментальной оппозиции» к властям предержащим? Откуда они взялись и чего хотят? Об этом стоит поговорить, потому что движение «зеленых» стало ныне заметным элементом политического ландшафта.

Впервые «зеленые» пробились в парламент в Бельгии, где на выборах 1981 года они получили 4 мандата в палате представителей и 5 в сенате. Чуть позже они появились в парламентах Голландии, Италии и Финляндии. Но громко заговорили о них лишь после того, как 6 марта 1983 года на выборах в бундестаг ФРГ они получили 2 167 431 голос (5,6 процента от всего избирательного корпуса) и 27 депутатских кресел. С «зелеными» или с близкими к ним по духу так называемыми альтернативными движениями мы встречаемся и в ряде других стран Западной Европы, в Соединенных Штатах Америки и Японии.

По своей социальной природе движение «зеленых», а также родственных им групп, мелкобуржуазно. Его поддерживают и в нем участвуют прежде всего средние городские слои (служащие, люди свободных профессий, мелкие и отчасти средние предприниматели). Среди «зеленых» много студентов, вообще молодежи, много женщин. Характерной чертой «зеленых» служит высокий образовательный уровень. Не забывая о том, что нет правил без исключения, можно сказать, что это движение образованных, более или менее состоятельных людей.

Словом, «зеленые» — люди по буржуазным меркам весьма почтенные. Но как это на первый взгляд ни парадоксально, нынешние «зеленые», во всяком случае их теоретики (особенно в Западной Европе), связывают свою родословную с бунтарской волной, «студенческой революцией» конца 60-х годов. Вспомним хотя бы майские события во Франции в 1968 году. Мелкобуржуазные «ниспровергатели» капиталистической цивилизации, вдохновленные идеями Г. Маркузе, Т. Адорно, М. Хоркхаймера и других жрецов «негативной диалектики», подняли тогда индивидуалистический бунт против общества. По-разному выражался этот бунт. Одни пошли на баррикады. Другие — в «контркультуру» (хиппи, битники и т. п.). Отрицалось многое, почти все. А что утверждалось? Ничего, кроме расплывчатых призывов к «раскрепощению духа». Это был своего рода «прыжок в ничто». И окончился он ничем.

В 70-х годах часть бывших бунтарей ушла в индивидуальный террор. Но большинство эволюционировало от анархизма к реформизму. Вместо бунта, баррикад, ниспровержений теперь проповедуется так называемая «политика малых дел». Мы, утверждают нынешние теоретики «зеленых», не «скопище истеричных интеллектуалов», не «буржуазные романтики». Мы ищем решение вполне «осязаемых проблем», которые можно решить здесь и сейчас.

Критикуя стратегию и тактику бунтарей 60-х годов, лидеры и теоретики «зеленых» как бы стремятся извлечь уроки из поражений и неудач недавнего прошлого, окрасить движение протеста в другие цвета, и прежде всего в зеленый, делая упор на экологическую проблематику, на борьбу за сохранение окружающей среды. Однако, и это следует сразу же подчеркнуть, «зеленые» поднимают экологическую проблематику на уровень самой важной, самой главной мировоззренческой, философской и практической проблемы современности.

«Зеленых» трудно упрекнуть в излишней скромности. Они заявляют, что создали новую — не капиталистическую и не социалистическую — идеологию, новую систему представлений, а именно: «социально-экологическую концепцию третьего пути».

Человечество, утверждают «зеленые», живет в эпоху «планетарного поворота» в своей истории. «Политические, социальные, экономические понятия,— пишет «зеленый» профессор Марбургского университета Г. Целлентин,— отражавшие до недавнего времени современные нам реальности — прогресс, развитие, рост, реформу, революцию,— полностью потеряли свое ориентирующее содержание. Будущее стало более неопределенным, чем когда-либо; рост народонаселения, нехватка энергии, проблема загрязнения окружающей среды открыли перед человечеством угрожающие перспективы».

И еще одно кредо, его формулирует сотрудник Ахбергского института по проблемам социальной экологии В. Хайд: «Выступление «зеленых» является событием последней фазы всемирно-исторического процесса развития человечества, в конце которой произойдет либо разрушение Земли, либо планетарное социальное обновление». Вот такие масштабы, и никак иначе...

Все мы знаем слова К. Маркса: «Философы лишь различным образом **объясняли** мир, но дело заключается в том, чтобы **изменить** его». Теперь, утверждают «зеленые», главная задача не в том, чтобы изменить, а в том, что-

бы сохранить мир, то есть не дать человеку, погубив природу, погубить и самого себя. Так марксизм подменяется «радикально-экологическим материализмом».

Требования «зеленых» действительно радикальны. Они, например, в принципе против атомной энергетики. Они настаивают на том, чтобы прекратить химизацию сельского хозяйства. Они против крупной промышленности, против «индустриальных систем», которые губят окружающую среду.

Надо ли бороться за сохранение окружающей среды? Конечно же, надо. И наверное, гораздо более энергично, чем это делается. И, подчеркивая это, настаивая на этом, «зеленые», безусловно, правы. Однако всякую истину, если, как говорил В. И. Ленин, ее «раздуть», если сделать ее чрезмерной, можно довести до абсурда. Именно так, к сожалению, поступают «зеленые». Их радикализм, по существу, означает отрицание научно-технического прогресса. Если, скажем, Хомейни пытается повернуть вспять социальную историю, вернуть Иран во времена раннего ислама, то «зеленые» стремятся остановить и повернуть назад движение научно-технической мысли. И в том и в другом случае (да простят меня «зеленые» за такое сравнение) делается попытка дезертировать из нашего времени в прошлое. Но такие попытки никогда не удавались.

Поверхностная критика Маркса мстит за себя. Нельзя сохранить мир, не изменив его. В этом вся штука. Но изменять мир — это не значит ломать автомобили и пересаживаться на телегу. Атомные электростанции, несмотря на все претензии, которые можно высказать в их адрес,— необходимый шаг на пути к энергетике будущего. Научно-технический прогресс сам по себе нейтрален по отношению к добру и злу. «Вторая природа», «техносфера» не обречены фатально быть антиподом «первой природе». Антигуманна не техника. Антигуманными могут быть условия, характер ее использования. А последние заданы социальными формами, общественными отношениями, которые господствуют в данном обществе. Атакуя следствия (издержки научно-технического прогресса), «зеленые» — во всяком случае, многие из них — упускают из вида причины (власть капитала, власть меньшинства). В этом фундаментальная слабость их экологической программы. Лишенная прочного социального, классового фундамента, она превращается в утопию.

Экологическая программа «зеленых» выступает своего рода стержнем, несущей конструкцией, на которой крепится довольно широкий набор требований социально-экономического характера. И здесь, пожалуй, уже пора сказать, что собственно «зеленые» представляют собой лишь часть — правда, наиболее политически активную часть — разнообразных альтернативных движений. Так, в ФРГ политическая партия «зеленых» насчитывает 20—25 тысяч человек, а альтернативные движения, если считать и сочувствующих, объединяют более миллиона. В Соединенных Штатах Америки «зеленых» как политической партии, аналогичной той, что мы видим в ФРГ, вообще нет, но число «альтернативщиков» разных типов и видов, входящих в многочисленные «экогруппы», приближается к пяти миллионам.

В основе альтернативных движений — протест значительной части населения против подавляющих личность (и природу) экономических и политических структур, порожденных государственно-монополистическим капитализмом. Господствующим формам и образу жизни противопоставляются иные, альтернативные формы, иной, альтернативный образ жизни.

«Мы должны открыто заявить,— декларирует один из известных «зеленых» теоретиков США, Т. Роззак,— что в мире личностей нет места монополистическим мультинациональным корпорациям, маниакальной религии торговли, геноциду военных учреждений, беспредельно взрывающейся урбанизации, государственному социализму, произволу общественных и частных бюрократий, бесчеловечной технократической политике». Отрицание, таким образом, носит всеобщий, тотальный характер, ибо под боем оказываются почти все сколько-нибудь значимые проявления государственно-монополистической организации жизни.

Но это отрицание. Где же утверждение? Какие социальные формы, какие образы человеческого бытия призываются на смену бескомпромиссно отвергаемым «мрачным силам современности»? Общий, «алгебраический» ответ на эти вопросы дает тот же Т. Роззак: необходимо признать «каждого из нас в качестве особого, значительного события во вселенной». Расшифровка же этого ответа на практике заключается, по мысли «зеленых», в максимальной децентрализации существующих гигантских систем (корпораций, городов, политических организаций и т. п.), замене бюрократического, иерархического управления самоуправлением таких единиц, где «каждый может петь свою песню».

В переводе на более доступный, хотя и менее красивый, язык это означает вот что: небольшие самоуправляющиеся общины вместо городов-гигантов; небольшие самоуправляющиеся предприятия вместо гигантских корпораций; простые, «прозрачные» общественные связи вместо многоступенчатой бюрократической регламентации; и как результат — цельная, живущая в единстве с самой собой личность.

Перспективы кажутся заманчивыми. Как же «зеленые» собираются претворять их в жизнь?

Оказывается, все это не так уж трудно. Нет нужды обязательно замахиваться на политическую власть. Не нужно ждать всеобъемлющих перемен, уповать на шумный «исторический взрыв» (так зашифровывается революция). Нужно уже сегодня, сейчас создавать реальную альтернативу господствующим порядкам, то есть вести прилежную, повседневную работу по улучшению условий труда и быта. И делать это везде — на каждом предприятии, в каждом населенном пункте.

Вот типичное для «зеленых» рассуждение. Сейчас производство энергии находится в руках или государства, или крупных корпораций. Монополия на энергию — одна из опор власти. Теперь, предположим, каждая семья, каждое небольшое производство обзавелось собственной энергетической установкой — солнечной батареей. Это будет разрушать монополию власти «современного Левиафана» — государства или корпорации. Это будет делать людей, небольшие производственные коллективы независимыми, самостоятельными. Это выведет окружающую среду из-под удара нынешней варварской энергетики. Наивно? Конечно, наивно. Но именно из таких наивностей во многом состоит социальная программа альтернативных движений.

Я вовсе не хочу поставить под сомнение добрые намерения, искренность тех, кто под флагом «экодвижений» выступает в защиту человека и природы. Но в политике намерения, не опирающиеся на реальный анализ реального положения дел и расстановки сил, намерения, входящие в противоречия с логикой социальных отношений, мало что стоят. Что толку бороться против «маниакальной религии торговли» или «бесчеловечной технократической политики», если оставлять за пределами теоретического анализа и практических действий господство капитала, господство капиталистических общественных отношений? Какой смысл проклинать гигантские мегалополисы, если оставлять основы капиталистической цивилизации?

Разумеется, и «политика малых дел» может дать известные плоды: скажем, изменить в лучшую сторону социальное законодательство, усилить внимание к экологии. Однако эти локальные перемены вряд ли будут устойчивы, поскольку сохраняются общие условия для воспроизводства тех явлений, против которых воюют «зеленые».

Общая гуманистическая направленность «зеленых» движений, подход к войне как к «страшной экологической катастрофе» обусловливают и их решительную антивоенную позицию. В программном документе гамбургских «зеленых» сказано: «Мы хотим видеть мир без оружия... Чтобы совершить на всей планете поворот к подлинному обеспечению мира, мы выступаем за создание безъядерной зоны в Европе, за уничтожение любых видов химического и бактериологического оружия, за вывод всех иностранных войск с чужих территорий, за немедленный роспуск военных блоков, за всеобщее прекращение экспорта вооружений, за постепенный перевод всего военного производства на мирные рельсы». «Зеленые» в ФРГ являются одними из

инициаторов «Крефельдского воззвания»: «Атомная смерть угрожает всем! Никаких ракет в Европе!»

Активные выступления «зеленых» за мир, против войны позволили им сыграть заметную роль в нарастании массовой антивоенной волны в Западной Германии, стали одним из «секретов» расширения их массовой базы.

В конце октября делегация западногерманских «зеленых» была в Москве. Беседы с ними еще раз показали, что в вопросах войны и мира различие между «красными» и «зелеными» отступают на задний план перед общностью взглядов и позиций в этом вопросе.

«Альтернативные движения», «зеленые»...— множественное число тут не столько вопрос грамматических тонкостей, сколько сути дела. В этих партиях, группах, всякого рода «экосоюзах» и «экодвижениях» объединяются люди разных политических убеждений. Их объединяет неприятие существующей системы ценностей, ощущение того, что их душит, уродует, сковывает сложившийся порядок вещей. Их связывает страх перед надвигающейся экологической катастрофой. Но относительно альтернативной системы ценностей, относительно того, что делать, в каком направлении действовать, где искать политических союзников, они далеко не единодушны. И что принципиально важно — разброс, столкновение различных мнений они считают не минусом, а плюсом движения. Если бы у нас была «единая политическая линия», говорилось, например, на последней федеральной конференции «зеленых» (Ганновер, июнь 1983 года), то это означало бы конец партии, поскольку именно различия во мнениях позволяют обеспечивать массовую поддержку.

В какой-то мере так оно и есть. Но в принципе, в долгосрочной перспективе политика неумолимо потребует определенности. «Ни вправо, ни влево, а вперед!» — призывают «зеленые». Однако политическая жизнь устроена так, что тот, кто не идет ни вправо, ни влево, тот или топчется на месте, или поворачивает назад...

В целом «зеленые», вообще альтернативные движения, хотя они и не имеют четко очерченных границ, расположены на левом фланге западной политической жизни. В них находит одно из выражений кризисное состояние капиталистического общества. В них как бы аккумулируется разлитая в этом обществе неудовлетворенность человека условиями своего существования. «Зеленые» хотят, чтобы люди жили лучше и естественнее, чтобы не было войны, чтобы человечество не разрушило природный базис своего существования. В этих намерениях — их сила, их привлекательность. А их слабость — значительная доза утопизма, уход от постановки главной проблемы — о характере политической власти, о глубинных социальных корнях тех процессов и явлений, которые угрожают человеку и человечеству.

«ИНТИМНЫЙ ДНЕВНИК Маргарет Хильды Робертс»

Сью ТАУНСЕНД

Предлагаемый читателю материал был опубликован в английском журнале «Нью стейтсмен» с вводкой следующего содержания:

«Эти отрывки, озаглавленные «Интимный дневник Маргарет Хильды Робертс в возрасте четырнадцати лет и трех месяцев», были найдены между страниц давнего издания «Руководства зеленщику» в городе Грантем в лавке старьевщика и вручены редакции журнала «Нью стейтсмен» Сью Таунсенд».

ПОНЕДЕЛЬНИК. Встала в пять утра, помогла отцу разлить уксус по бутылкам и закрыть крышки. Приняла холодную ванну. Замечательно. Потом заставила себя повторить физику. По дороге в школу меня чуть не сшиб какой-то мерзкий рабочий на велосипеде. Я сказала ему все, что о нем думаю. Он жалко извинялся, сказал, что это от усталости, что он проехал уже шестьдесят миль, потому что ищет работу. Я сказала ему, что это никак его не извиняет: он обязан ехать четко по прямой, и потребовала у него назвать свое имя. Он утверждал, что его зовут Теббит, в чем я очень сомневаюсь. Он показался мне подозрительным. Следовало бы запретить таким типам появляться на улице.

После наизамечательнейшего урока математики я решила, что мой долг наставницы в первом классе обязывает меня провести беседу о важности безукоризненной чистоты ногтей. Один или двое первоклашек захныкали, тогда я провела весьма полезный разговор о сдерживании эмоций.

Школьный обед (простите, ленч. Неужели я никогда не запомню, как надо?) был беспричинно экстравагантным. В то время как страна воюет, на одном из столов я заметила сразу две курицы. Я пожаловалась школьному повару, но она грубо сказала «проходи», заявив, что я задерживаю очередь.

Еле высидела английскую литературу. Жду не дождусь, когда мы наконец пройдем «Тяжелые времена» этого явного социалиста Диккенса. Я предложила скрасить урок чтением вслух писем королевы Виктории, но мисс Мармадьюк наотрез отказалась и сказала, чтобы я села. (Ей это дорого обойдется, тем более что мисс Мармадьюк только что вернулась из поездки по России.)

Когда я возвращалась домой (как всегда одна), я увидела этого типа Теббита. Он копошился на краю газона, делая вид, что у него прокололась камера. Я решила: мой долг сообщить о нем нашему констеблю. Ни для кого не секрет, что все безработные — мошенники. Констебль Перкинс поблагодарил меня на своем жутком линкольнширском наречии, и я пошла домой.

Когда отец закрыл магазин, я помогла ему проверить счета. Я пришла в ужас, обнаружив, что миссис Аркурайт из железнодорожного поселка задолжала нам шесть пенсов. Отец сказал: «Маргарет, эта женщина вдова, у нее пятеро детей, ей нужно их кормить». Я сказала, что, отказав в кредите, он поможет ей преодолеть свою нерадивость. Я предложила сходить к миссис Аркурайт и потребовать у нее долг, но отец напомнил мне, что скоро полночь, а мы все еще не приготовили дрова на завтра. (Мы всегда слушаем прогноз погоды по Би-би-си. На завтра обещали резкое похолодание.) В два часа ночи я легла наконец в постель, повторив вслух «Хау нау браун кау» [1] сто раз.

[1] Английская скороговорка.— *Примеч. пер.*

Рис. С. ТЮНИНА

ВТОРНИК. До шести утра была вынуждена валяться в постели. Вода оказалась слишком теплой! Я весьма резко поговорила с матерью относительно температуры воды. Она стала извиняться, сказав, что Би-би-си всех ввела в заблуждение (именно так. На улице ярко светило солнце! Я начинаю подозревать, что Би-би-си вообще нельзя доверять) и она решила подогреть воду. Из заготовленных дров я и отец срочно наделали щепу, чтобы запечь подпорченные яблоки. Мать была послана на кухню приготовить триста печеных яблок.

Была у директора и просила, чтобы меня освободили от уроков рисования. Вся эта возня с красками и бумагой — пустая трата времени. Мисс Фоседайк сказала: «Маргарет, функция искусства — развивать чувства, и тебя это касается в первую очередь. Именно ты из всех девочек моей школы крайне в этом нуждаешься». Я так и не поняла, что она этим хотела сказать. И так ясно, что я самая чувствительная во всей школе.

Легла спать расстроенная, поэтому заставила себя прочитать любимую страницу из «Высшей математики», часть четвертая, задача: XXYYZZ = ZZYYXX. Когда я читаю объяснение, я всегда хохочу как сумасшедшая. Однако жизнь состоит не только из удовольствий. Поэтому я повторила «Зе рейн ин спейн фолс мейнли он зе плейн» двести раз, после чего заснула.

СРЕДА. Отец очень мудро подметил, что из магазинов исчезла туалетная бумага. Во многих бедных семьях не покупают газет, поэтому отец приготовил связки газетных четвертушек по пенни за связку. Первую партию мы выбросили в продажу в восемь утра и к двенадцати тридцати все было распродано. Итого: двенадцать пенни!

Приезжий из Лондона зашел купить унцию махорки и рассказал, что, по слухам, которые ходят в столице, на выборах победят социалисты, обещавшие ввести в школах бесплатное молоко. Лицо отца стало цвета ячменной муки, он даже сел. Когда отец пришел в себя, он сказал: «Маргарет, социалисты доконают мелких торговцев». Я сказала: «Все будет в порядке, отец, в тебе же метр восемьдесят три». Приезжий и отец засмеялись, но я не поняла почему. Если эти социалисты придут к власти, я откажусь от бесплатного молока. И вообще, кому это нужно? Если бедняки не могут позволить себе молоко, пусть обходятся без него.

Ходила к миссис Аркурайт. Мне удалось вытянуть из нее лишь три пенса.

Некоторое время я провела на ее очень плохо вымытом крыльце, объясняя миссис Аркурайт, как сократить домашние расходы. Я информировала ее, что высушенные листья крапивы — прекрасный заменитель чая. Миссис Аркурайт сказала, раз человек не может себе позволить чашку чая, значит, для Англии настали черные дни. Я заметила ей, что наш общий долг идти на жертвы, чтобы обеспечить финансовую базу для военной индустрии. Миссис Аркурайт саркастически спросила, чем пожертвовала я, дочка владельца магазина. Я ответила, что Я отказалась от вазелина, необходимого мне от мозолей, натертых моими новыми высокими сапогами.

ЧЕТВЕРГ. Леди Ольга Уэстленд в полдень провела лекцию на тему «Ужасы войны». Леди Ольга поделилась с нами, как шокирована она была, узнав, что из магазинов исчезли нейлоновые чулки, которые как раз в большой моде.

Констебль Перкинс зашел доложить, что велосипедист Теббит был задержан для допроса в полицейском участке, после чего его отпустили! Я была вне себя от негодования, видя столь явное свидетельство нерадивости полиции, но Перкинс сказал: «Мы провели тщательный осмотр велосипеда, но ничего не обнаружили. Зря только переломали все спицы в колесах». Мы все весьма приятно посмеялись, и отец пригласил Перкинса на чашку чая в подсобке, где стоит ломтерезка для свиной грудинки. Перкинс пробыл у нас недолго, потому что, как он объяснил, «слишком много развелось крикунов, которым нужно надрать уши». Когда он ушел, отец и я стали подводить итоги дня, и тут мы были потрясены, обнаружив, что исчезла банка лосося. Мать заявила, что видела, как констебль Перкинс сунул ее в чехол полицейской дубинки перед тем, как выйти из магазина. Отец рассердился и прогнал мать в спальню за то, что она посмела бросить тень на благородного полицейского. Но факт есть факт: исчезновение банки было для нас жестоким ударом, что вынуждало обратиться к суровой экономии. Поэтому я и отец всю ночь толкли мел и добавляли его в ларь с мукой.

ПЯТНИЦА. Утро было полно разочарований. Я сидела над атласом, пытаясь сделать домашнее задание по географии: «Найти на карте и нарисовать Фолклендские острова». Прошарила все побережье Шотландии и все, что вокруг,— ничего. Совсем случайно мой взгляд упал в левый нижний угол кар-

ты — и вдруг я увидела их у берегов Аргентины!

После школьного обеда (ленч, Маргарет, ленч!) меня вызвала директор школы. Она очень удивила меня: «Маргарет, я высоко оцениваю твою работу в школе, но постарайся с меньшей серьезностью относиться к жизни. Заведи, например, дружбу с кем-нибудь из девочек в классе». Я сказала ей, что в школе нет девочек моего класса. Она пробормотала: «Это не совсем то, что я имела в виду, дорогая»,— и разрешила идти.

После школы я фасовала морковь и изюм. Потом провела два блаженных часа за уравнениями. В зале, принадлежащем методистской церкви, был устроен религиозный вечер-диспут. Я принесла с собой две начатые бутылки виски, примерно пол-литра, пожертвованных отцом на нужды церкви. Весь вечер я проговорила с русским попом из ортодоксальной православной церкви. Он оказался ужасно интеллектуальным, поэтому мне было приятно, когда он вызвался меня проводить. Мы почти подошли к магазину и разговаривали о самоварах, когда он вдруг прижал меня к себе и зашептал революционные предложения личного порядка. Я завизжала и скрылась в магазине. Я ничего не сказала отцу, но с этого момента, пока жива, не поверю ни одному русскому.

Я взяла с собой в постель бутылку холодной воды, чтобы наказать себя за съеденный без спросу изюм.

СУББОТА. Анжела Порк-Крэклин прислала в магазин записку, в которой спрашивала, не соглашусь ли я быть четвертой в одной из двух смешанных пар. Игра состоится вечером на теннисном корте ее родителей. Отец был очень польщен (он уже много лет мечтает, чтобы граф Порк-Крэклин Грей стал его заказчиком). Но я сказала отцу, что не умею играть в теннис. Тогда он скинул с себя фартук и побежал в библиотеку, откуда возвратился с «Основами большого тенниса». Матери было приказано отправиться на Сингер-стрит и купить мне теннисный костюм. В перерывах между покупателями отец и я отработали несколько подач. Вместо ракеток мы использовали жестяные крышки от коробок из-под печенья, а вместо мячей — засохшее печенье. К четырем я отработала «подачу с задней линии» (где ломтерезка для свиной грудинки) и трудилась над правильным положением левой руки, когда мать вернулась с костюмом и все испортила, закричав: «Только посмотрите, какой кавардак! Кругом крошки! Я только помыла пол!» Отец попросту отослал мать, приказав почистить мелом мои белые парусиновые тапочки. К шести я выучила все правила. В семь тридцать я обыграла Анжелу Порк-Крэклин шесть раз. Шесть раз! Анжела Порк-Крэклин убежала в свой огромный дом и отказалась принять участие в игре двое на двое. Игра была отложена,

поэтому мне не удалось переговорить с графом Греем относительно заказов.

Когда я вернулась домой, отец рвал газету на квадратики. Мы сели и обсудили мой триумф. Позже к нам присоединилась мать и взяла мой новый костюм, чтобы отдать его в химчистку. Таким образом время перед сном прошло весьма приятно.

ВОСКРЕСЕНЬЕ. Встала в пять утра и два часа наслаждалась, решая уравнения. Потом разбудила мать и приказала приготовить завтрак. Правда, мать такая соня, что, если бы не я, она провалялась бы до семи тридцати!

Воскресная школа. Потом обед (ленч, Маргарет, ленч!), в пять — чай, потом вечерняя молитва в церкви. Обычное воскресенье, если бы не одно скандальное происшествие: я поймала мать на месте преступления! Да, в четыре я вышла в прихожую и увидела, как мать чистит свои туфли. Я сказала отцу. Он спустился вниз и застал мать с «Вишневым цветом» в одной руке, с бархоткой — в другой. Мать умоляла простить ее, но отец был непреклонен и запретил ей сопровождать нас на вечернюю молитву. Ее отсутствие, без сомнения, даст массу пищи для языков всего прихода. Но правила есть правила, они затем, чтобы их выполнять. Все остальное — анархия. Если нельзя работать в воскресенье, значит, нельзя.

В семь вечера я закрыла дверь спальни на замок и достала из шкафа мою потайную коробку. Я провела весьма приятно время, позируя перед зеркалом. Корона постоянно съезжала с головы, и дважды мне пришлось прерваться, чтобы получше подколоть вату горностаевой мантии. Но, думается, я очень усовершенствовалась в королевском мановении рукой. По жестокой случайности я родилась не у тех родителей, и на королевское происхождение нет никакой надежды. Но я намерена работать над собой, в дальнейшем мне очень пригодятся мои великолепные актерские данные, и, едва я достигну какого-то высшего положения, я там останусь навсегда.

Перевел с английского В. СИМОНОВ

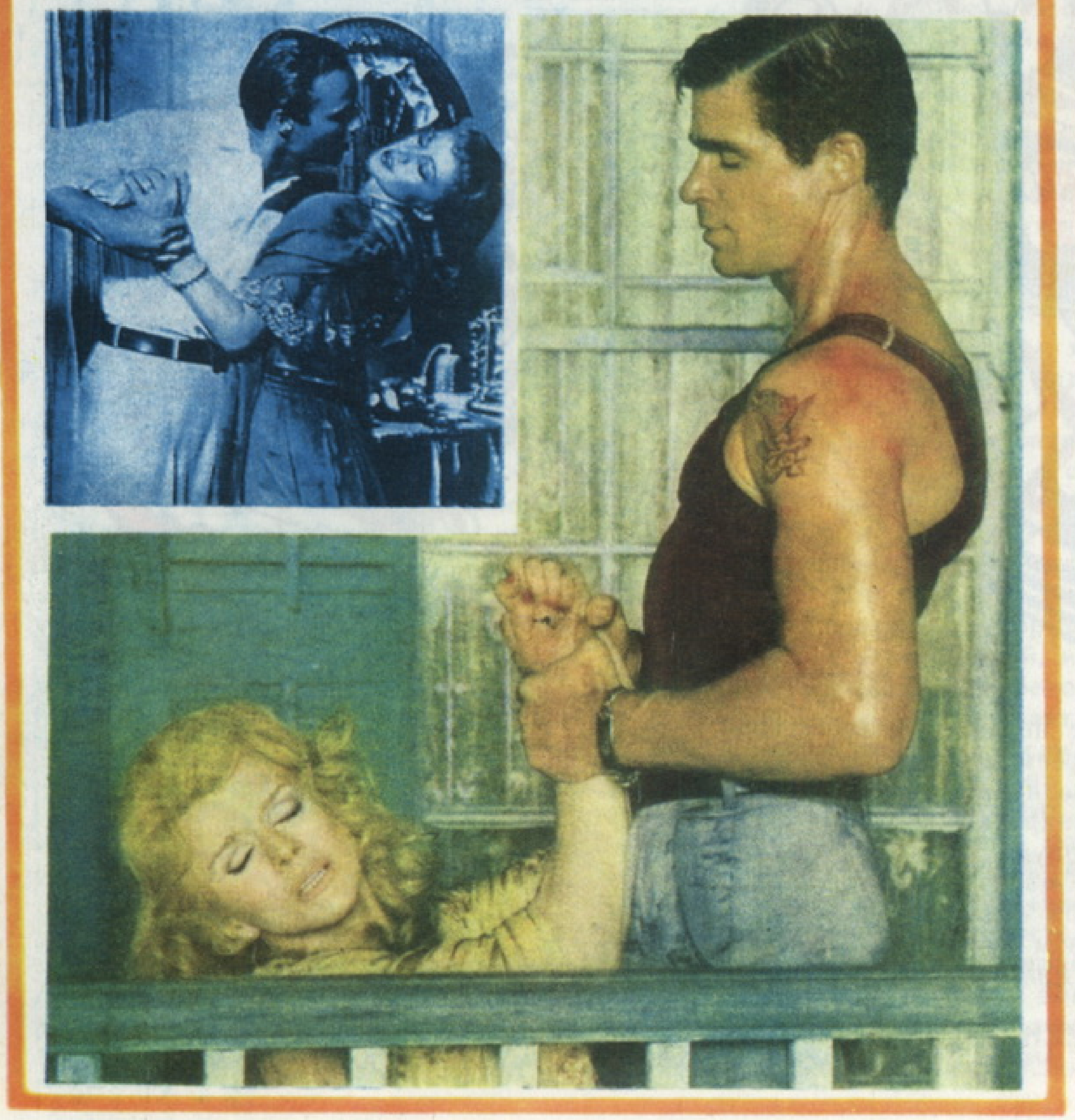

ДОИСТОРИЧЕСКАЯ, С ИГОЛОЧКИ НОВАЯ ПЕЩЕРА «Ласко́» обошлась в пять миллионов франков и 10 лет работы 25 специалистов — художников, скульпторов, строителей. Как известно, знаменитую ныне пещеру первобытных охотников, стены которой покрыты фантастической каруселью рисунков быков, оленей и лошадей, обнаружили в южной Франции еще в 1940 году. После войны «Ласко́» как музей творчества неизвестного художника, жившего 17 тысяч лет назад, открыли для посетителей. Впрочем, ненадолго: наскальной росписи стало угрожать разрушение, и, чтобы сохранить пещеру для людей, пришлось ее от людей закрыть. И вот в прошлом году открылась фальшивая «Ласко́» — железобетонная, «зрителеустойчивая», точная копия знаменитого оригинала.

ВСЕ ТЕ ЖЕ ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ! Всякое ли хорошо забытое старое годится для нового? Этот нелегкий вопрос оперативно решается на киностудиях Голливуда, и как результат — сегодня фильмы по уже когда-то отснятому сюжету составляют львиную долю в американской кинопромышленности. Говорят, что одну из причин увлечения повторными экранизациями надо искать в том, что с распространением TV непосредственные впечатления детства для многих ныне взрослых людей, в том числе и режиссеров, катастрофически ограничились рамками голубого экрана. Спору нет, искусство — богатство, но жизнь богаче. Недаром говорят, что в искусстве всего-то 28 или около того оригинальных сюжетов. Остальное — их вариации. На снимках: кадры из «Трамвая «Желание» Теннесси Уильямса в известной постановке с участием Вивьен Ли и Марлона Брандо и сегодняшнего кинопересказа этой ленты.

АМЕРИКА КАК МАШИНА. Лучшим исполнителем-82 читатели американского журнала «Роллинг стоун» назвали гитариста, певца и композитора Брюса Спрингстина, а лучшим диском — его альбом «Небраска». Журнал пишет: «В стремлении к оригинальности многие музыканты утопили всякое содержание в формальных изысках. Спрингстин представил на суд слушателей песни в сопровождении всего нескольких акустических гитар. Но его песни об Америке, «машине, пожирающей мечты людей», доходят до сердца каждого американца».

КАК ДЕЛА У «БЛЭК САББАТ»! Дела у ансамбля из рук вон плохи. Большие надежды возлагали на приход вокалиста из «Рэйнбоу» Ронни Джеймса Дио: новый человек, свежие идеи. Свежих идей у Дио оказалось немного, зато «Блэк саббат» в короткое время превратился, как пошутил один критик, в филиал «Рэйнбоу». Сейчас у ансамбля есть шанс резко изменить музыкальную ориентацию: начал петь в «Блэк саббат» Иэн Гиллан. Так что, по всей видимости, любителей можно поздравить с появлением филиала «Дип пёрпл».

С АВТОПРИВЕТОМ. Этот джентльмен, что в машине пониже, и сам понимает, что он в машине пониже и что он джентльмен пожиже. Это потому, что он видел номер машины другого джентльмена. Если это вам мало что объясняет, то добавим, что в Англии приняты автомобильные знаки с тремя цифрами и четырьмя буквами, одна из которых означает год изготовления машины. В прошлом году автомобильный алфавит уперся в U, и с первого августа вновь приобретенным авто присваивалась не просто очередная буква, а первая буква алфавита — А! Если и теперь еще не все ясно, тогда напомним основную заповедь джентльменов: на ярмарке тщеславия судят по количеству пыли, которую пускаешь в глаза. Хорошо напылил — перед тобой любой джентльмен автоматически снимает шляпу: «Общий привет!»

ДОБИЛИСЬ СВОЕГО. «Оркестр электрического света» (ELO) давно считается одним из популярных английских ансамблей, его руководитель Джефф Линн — одним из лучших аранжировщиков, композиторов и продюсеров, а каждый из инструменталистов — одним из лучших исполнителей. Казалось бы, чего еще желать? Но музыканты ELO считают, что быть «одними из» обидно. Стремясь хоть в чем-то стать «самыми-самыми», они перепробовали себя во всех стилях: диско, рок-н-ролл, поп, соул... Результаты не заставили себя долго ждать: вышедшая в Англии биография ELO называется «История самого безликого в мире ансамбля».

НА ДРУЖЕСКОЙ НОГЕ. В последние годы в ряды активно работающих рок-коллективов весьма неожиданно вошел Лондонский королевский симфонический оркестр. «Классический рок» (известные рок-композиции в оркестровой обработке), «Помешан на классике» (диско-попурри на темы классических произведений), «Путешествие сквозь классику»... Считается, что оркестр делает важное дело: прививает молодежи любовь к классикам. К таким славным, симпатичным классикам. Почти «своим» ребятам.

И В ПОДПИСИ — МИКЕЛАНДЖЕЛО. Три названия: «Боулинг на Тибре», «Гребцы», «Зачарованные горы». Первое—это книга, второе—фильм, съемки которого еще впереди, третье — название выставки 50 картин, открытой в дни Венецианского кинофестиваля. Что ж общего у них? Только подпись — Микеланджело Антониони. Как режиссер он известен миру еще с 1950 года. Прежде всего его «классика»: «Приключение», «Ночь», «Блоу ап» и далее — «Красная пустыня», «Забрийский поинт», «Профессия: репортер». Его книги — это прежде всего сценарии снятых фильмов и то, что фильмом не стало. И наконец, на венецианском биеннале, где Антониони (ему исполнился 71 год) вручили Золотого льва за работу в кино, выставка картин — сияющие горизонты, голубые горы, слепящие пустыни... Художник во многих лицах? Конечно, сегодня мы больше привыкли к специализации. Но ведь так когда-то — во времена Возрождения, например,— и было. Просто Художник, Мастер.

О МУЗЫКЕ — И НЕ ТОЛЬКО

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

ВЫ СПРАШИВАЛИ

Уважаемая редакция!

Я решился обратиться к вам с просьбой написать об известном ансамбле «Манфред Мэнн'с эрт бэнд» и, если можно, поместить фотографию. Дмитрий Ярмош, г. Днепропетровск.

ПРОСНИТЕСЬ!

Иржи ВЕЙВОДА,
чехословацкий журналист

На сцене Манфред Мэнн и его группа — два с половиной часа музыки и образов. Программа называется «Рассказ о бурлящем континенте — рассказ об Африке». Первая песня, сменяют друг друга диапозитивы: желтая, выжженная солнцем саванна, одинокая пальма, рассвет. Огромный выброшенный вверх черный кулак. Десятки, сотни, тысячи рук, сжатых в кулаки...

— Ваша первая долгоиграющая пластинка называлась «Манфред Мэнн в пяти лицах». С тех пор прошло 19 лет. Сколько еще образов вы сменили в своем музыкальном развитии?

— Прежде всего я хотел бы внести ясность: в том названии не было ничего символического. Моя первая группа состояла из пяти музыкантов. В то время все по примеру «Битлз» были опьянены электрогитарами. Слушатели, которые нас не знали, а тогда таких было большинство, приходили на концерт — и никаких электрогитар, вместо них флейта, саксофон. Играли мы блюзы, негритянский джаз. Группа наша выступала в лондонских и провинциальных клубах, и знали нас только их постоянные посетители. Совсем для нас неожиданно наша песня «Пять-четыре-три-два-один» стала позывной в одной постоянной телевизионной передаче о популярной музыке, и мы сразу приобрели известность. Так нежданно пришел первый успех.

1969 год. Пик популярности группы «Манфред Мэнн в пяти лицах». Бесконечная карусель: концерты, пластинки, улыбки перед телекамерами, вечная усталость, ни минуты одиночества. Мы постепенно превращались в обычный коммерческий ансамбль. В это время в нашем репертуаре были песни Боба Дилана. Решение пришло сразу и неожиданно для меня самого, хотя, думаю, созревало оно во мне давно, и песни Дилана сыграли в нем не последнюю роль. Я все бросил, создал новую группу «Глава номер три» и начал экспериментировать. Это был период абсолютной творческой свободы и такого же абсолютного неуспеха.

— Вам это понравилось?

— Представьте себе, нет. В семидесятые годы я еще несколько раз сменил свое творческое лицо, возник еще один ансамбль «Земита капелла Манфреда Мэнна». Мы пытались передать в музыке свое мироощущение, мысли, взгляды, но не отрываться от слушателей. Иными словами, экспериментировать, не отказываясь от популярности. С годами я стал гораздо большее значение придавать тексту песен. Песня без серьезного общественного содержания мне сегодня представляется пустой тратой времени.

— Почему свою только что вышедшую пластинку вы назвали «Где-то в Африке»?

— Когда я только еще задумывал эту пластинку, мне попалась книга одного африканского писателя. Ее уди-

вительная поэтичность околдовала меня, я жил совершенно в другом мире, мелодии сами рождались во мне, я едва успевал их записывать. Можно и таким образом объяснить появление этой пластинки. Такое объяснение будет правдой. Но только наполовину. Пластинка создавалась под очарованием книги. Но разве можно отбросить годы, прожитые мною в Южной Африке? Они всегда во мне, они всегда в моей музыке.

Я родился в Иоганнесбурге. Вполне респектабельная белая семья. Мои близкие не были сознательными расистами, но жизнь в Южной Африке воспринимали как единственно правильную и возможную. И меня, по-видимому, ждало такое же будущее: воспринимать апартеид как нормальное дело. В противном случае — отправляйся в тюрьму или в изгнание. Я не стал дожидаться ни того ни другого. В двадцать лет я уехал. И с тех пор в Южной Африке не был...

— Могли бы вы рассказать, что именно вы вспоминали, работая над пластинкой?

— У меня перед глазами стояли Транскей, Квазулу, Бопутатсвана. Их называют в ЮАР бантустанами, но это гетто. Страшные сельские гетто. Там нет взрослых мужчин, кормильцев. Там женщины с детьми, беспомощные старики. Голод. Разбитые семьи. Мужья, сыновья работают за сотни километров в городах, на шахтах.

Одна из песен моей двадцатиминутной Африканской сюиты заканчивается словами на языке зулу: «Амандла, Авету — сила в ваших руках!» Я горжусь тем, что эту песню поют в Южной Африке на демонстрациях протеста, на похоронах погибших борцов освободительного движения. Слова для другой песни-сюиты написал молодой поэт Том Макгиннесс, в ней рассказывается о судьбе отца и сына, типичной судьбе черных африканцев в Азании. Азания, так называют свою родину зулусы, транскейцы и другие племена Южной Африки, родину, отнятую у них расистами.

— В своих песнях вы точно рисуете южноафриканские картины, но не называете страну, где происходит действие. Почему?

— Южноафриканский расизм я хорошо знаю. Но расовая ненависть ослепляет некоторых белых не только в Южной Африке. Она существует во многих странах мира, считающих себя и развитыми и цивилизованными. Эти песни про них тоже. «Цивилизованный» расизм для меня всего ненавистнее. В последние годы в Лондоне прибавилось цветных жителей, и стало видно, что многие англичане, считающие себя культурными людьми, в действительности самые настоящие дикие расисты. Я говорю об этом с большой горечью, ведь в свое время, бежав из Южной Африки, я выбрал Лондон, потому что считал его свободным от этой болезни.

— Как вы относитесь к тому, что 1983 год в музыкальных кругах называют годом африканской музыки?

— Меня это радует. Но мне неприятно, когда с этим связывают мою теперешнюю группу «Эрт бэнд». Я не могу, не хочу и не имею права примазываться к делу, которое движется не моими усилиями. Молодая африканская музыка пришла в Европу не в нынешнем году. Семь лет назад в Лондон приехал прекрасный африканский певец Кинг Санни Аде. Тогда его концерты не собрали и двух десятков слушателей. Европейская публика не воспринимала африканскую музыку. Весной 1983 года все было иначе. Кинг со своим хором из 17 человек стал королем вечера, и выступали они вместе с ансамблем «Осибиса» [1] и молодыми, но уже популярными исполнителями Аклова, Юлука, Агбамия в престижном Альберт-холле, и билеты были все задолго распроданы.

Сейчас, когда многие известные европейские и американские ансамбли уже давно топчутся на месте, африканская музыка принесла на европейскую эстраду свежее дыхание, энергию жизни, наполненной борьбой и перспективой.

— Вы были на концерте в Альберт-холле?

— Да, и меня поразило, как традиционная музыка, исполненная на электронных инструментах, самых разных синтезаторах, зазвучала совершенно по-новому, неожиданно масштабно.

— И это новое звучание как-нибудь повлияло на вас, когда вы работали над сюитой, о которой мы уже говорили?

— Нет. Напевы квазулу для сюиты прямо в бантустане записал бас-гитарист «Земиты» Матт Ирвинг. Когда мы их переносили на пленку, использовали последние достижения звукозаписывающей техники. А я только бегал вокруг и смотрел, чтобы эта фантастическая техника не вытравила из музыки человека.

— Во время концерта у вас на сцене стоят роботы. Они имеют символическое значение: древние народные мелодии и последние достижения цивилизации?

— В какой-то мере. Но больше для создания особой обстановки. Молодых слушателей привлекают такие вещи. Я, как их увидел, сразу сказал: «Покупаю».

— И где вы их увидели?

— На предприятии, где их делают. Сейчас человек, занимающийся популярной музыкой, должен быть и осветителем и звукооператором. Но этого мало. Он должен придумывать и конструировать самые разные зрительные и звуковые эффекты.

— Вы полагаете, что это в самом деле необходимо?

— Понимаю, вы хотите сказать, что истинное искусство не нуждается в игрушках, оно само по себе хорошо. Необязательно ставить вопрос так. Мне нравится обогащать сцену неожиданными деталями. Но ни себе, ни любому другому члену ансамбля я не позволю ни на одном концерте работать вполсилы, бездумно открывать рот и сотрясать воздух. Мой принцип: «Покажи все, что умеешь, и используй все достижения техники, чтобы украсить свое умение». Зритель, пришедший на концерт, должен запомнить этот вечер, запомнить неповторимое волшебство певческого, музыкального и сценографического искусства.

Я уже не принадлежу к молодому поколению рок-музыки. Подростки, которые приходят на мои концерты, на улице могли бы назвать меня «старик», для них старше тридцати — значит, старик, а здесь они мне аплодируют, как будто я последнее слово моды. Это утверждает меня в убеждении, что привлекает их все-таки музыка. А модные новинки, ну что ж, они меняются от сезона к сезону.

— Вам сорок два, у вас всемирная слава, Боб Дилан называл вас лучшим исполнителем его песен, вы были соавтором «Битлз» в создании фильма «Желтая субмарина» и музыки к нему. Какой с высоты вашего опыта вам представляется современная популярная музыка?

— Думаю, сегодня ею интересуется гораздо больше людей, чем двадцать лет назад. То, первое поколение осталось верно нам, а к нему постоянно примыкает молодежь, число поклонников популярной музыки нарастает. Музыканты идут проторенной тропой, им легче, они теснее общаются со слушателями, получают от них импульсы к творчеству. Они стали богаче, могут покупать дорогую технику, разнообразя звучание своих произведений. И в то же время мелодии, созданные двадцать, десять лет назад при довольно примитивном с сегодняшней точки зрения техническом оформлении, живут, пользуются популярностью. Меня это радует.

— Ваши планы?

— Не знаю. Песня «Амандла, Авету — сила в ваших руках!» заканчивается так:

Как долго мы должны ждать?
Как долго вы будете убивать
наших лучших людей?
Как долго мы будем терпеть?

Я хочу поехать в Южную Африку и задать эти вопросы тем людям, которые видят все, что там творится, и спокойно спят.

От редакции: Как сообщила газета «Морнинг стар», в 1983 году Манфред Мэнн вступил в Коммунистическую партию Великобритании.

Перевела с чешского Д. ПРОШУНИНА

[1] *Об ансамбле «Осибиса» «Ровесник писал в № 5 за 1980 год.— Примеч. ред.*

SIMENON о Сименоне

Я ликовал. Я стал свободен. За несколько дней, даже часов, все для меня переменилось. Раньше я не отдавал себе отчета, до какой степени порабощен своими героями и их бытием.

Буду ли я еще писать? Не знаю. Возможно, время от времени у меня станет возникать потребность рассказывать себе вслух разные истории или восстанавливать куски прошлого без расчета на то, что эти разрозненные воспоминания будут когда-нибудь прочтены неизвестными мне людьми.

Происходит прелюбопытная вещь. Я обещал себе больше не писать. И как профессионал, если можно так выразиться, больше не пишу. Но стоит в голове мелькнуть воспоминанию, я испытываю ту же настоятельную потребность зафиксировать его, что и в те времена, когда роман наконец вызревал и я бросался к пишущей машинке.

Больше я на ней не печатаю. Теперь я диктую на магнитофон. Откуда же эта потребность немедленно выплеснуть все, о чем думаешь, что заново переживаешь? Мне думается, желание высказаться присуще каждому.

Начиная диктовать, я отнюдь не рассчитывал, что эти заметки, эти обрывки воспоминаний выльются в более или менее связное повествование. Подобной мысли нет у меня и сейчас: она повергла бы меня в смятение. Я диктую не мемуары, а клочки воспоминаний, и мне хочется, чтобы они так и остались разрозненными.

Я был независим: жил, как мне нравилось, ездил, куда хотел, но платил за это слишком дорого, потому что всюду таскал за собой пишущую машинку. И хотел я того или не хотел, но из-за необходимости работать путешествия как-то блекли.

Что же еще? Не вижу никакой правдоподобной причины, которая объяснила бы, почему я выбрал эту профессию. Верней, одну вижу, но ее могли бы назвать многие писатели и прошлых веков и современные: ничего другого делать я не умею.

В сущности, если бы я не стал писателем, то, вероятней всего, превратился бы в неудачника. Когда я писал развлекательные романы, чтобы заработать и одновременно изучить механику построения прозаического произведения, у меня холодные мурашки пробегали при мысли: а вдруг и в шестьдесят, и в семьдесят лет я все так же буду сочинителем развлекательных романчиков?

Не знаю, толково ли я объяснил. Я ни о чем не жалею. Я прожил жизнь — свою жизнь. Возможно, выбери я другую профессию, мне не пришлось бы так изнурять себя. Но с тех пор, как я перестал сочинять и мне не надо больше представлять себя на месте своих героев, я живу в ладу с самим собой.

Лет в 40—45 я давал сотни интервью. С одинаковым радушием я принимал репортеров маленьких провинциальных газет и сотрудников больших парижских, лондонских или нью-йоркских иллюстрированных журналов. Кроме того, я часто давал интервью радио и телевидению. Последние были особенно утомительны, так как обычно продолжались почти неделю, и дом захламлялся кабелями и прочим оборудованием. Многие думают, что я поступал так ради рекламы. Чистосердечно заявляю, что это предположение не соответствует действительности.

В 16 лет я сам был репортером, меня посылали брать интервью у приезжих знаменитостей — Пуанкаре, маршала Фоша, Ллойд Джорджа, Анны Павловой, Артура Рубинштейна и т. д. Вспоминаю, с каким горьким чувством я докладывал порой главному редактору о своей неудаче: нередко кое-кто из этих персон захлопывал двери у меня перед носом. Вот эту горечь я и не хотел вселять в других тогда, когда уже не брал, а давал интервью.

Я рассматриваю писателя как человека, принадлежащего в некоторой степени публике, поскольку он пишет именно для нее. Публика же имеет право на известное любопытство. Она, естественно, хочет получше знать того, за чтением чьих книг проводит вечера. А романист имеет возможность более или менее объясниться с читателем лишь через печать, радио и телевидение. Я говорю «более или менее» и настаиваю на этом. В самом деле, тот, кого интервьюируют журналисты и телерепортеры, может лишь отвечать на задаваемые вопросы. Вопросы же, которые он хотел бы услышать, ему задают редко. Это приводит ко многим ошибочным выводам и недоразумениям. Убежден, что некоторые авторы разочаровывали публику уже одной своей неловкостью перед телекамерой. Каждому человеку свойственно желание поделиться с ближним, высказаться перед ним. Вероятно, это стремление и лежит в основе дружбы, но подобные излияния обращены, как правило, к узкому кругу лиц. Профессиональный литератор — иное дело. Любая выдумка журналиста, который сочтет, что без прикрас статья окажется недостаточно пикантной, может приклеиться к писателю на всю жизнь.

Ежегодно ЮНЕСКО публикует в одном из своих бюллетеней список авторов, которых больше всего переводили в истекшем году на другие языки. Я в этом списке шел четвертым. Что я могу сказать? Я счастлив. И не потому, что это такая уж честь. Нет, я говорю себе, что, видимо, герои моих романов действительно жизненны, раз их признают в Токио и Нью-Йорке, в Буэнос-Айресе и на Цейлоне.

13 февраля 1975.

Позавчера был счастливый день. Меня посетили три русских журналиста из ТАСС. Ясное дело, они взяли у меня интервью и попросили сказать несколько слов русским читателям. Я был до сих пор уверен, что меня перевели примерно на десяток языков народов СССР, но тут узнал, что количество их гораздо больше. Признаюсь, мне было приятно. Мне приятно знать, что еще в одной стране я нашел людей, которые узнали себя в моих героях и, следовательно, заинтересовались ими.

И еще одна радость вчера

Отрывок из книги Жоржа Сименона «Я диктую», которая готовится к печати в издательстве «Прогресс».

утром. Г-жа Шрайбер, исследовательница моего творчества и переводчица моих книг в России, прислала мне очаровательную куклу в наряде русской крестьянки; ее веселыми, цветастыми юбками накрывают чайник или кофейник, чтобы он не остыл. Еще она прислала мне альбом из двух пластинок. На одной — очерк одного из крупных русских критиков о моем творчестве и обо мне. На другой — инсценировка моей повести «Семь крестиков в записной книжке». Я не могу понять запись (она сделана на русском языке), но, должен признаться, она доставила мне огромное удовольствие.

...В Делфзейл я приплыл на «Остготе», корабле, который мне построили в Фекане.

Там, в каюте, освещенной четырьмя иллюминаторами, я каждое утро писал по главе романа.

Однажды плотник заметил, что «Остгот» дает течь и его надо проконопатить. Поскольку я поклялся себе не провести за время путешествия ни одной ночи на суше, то ночевать продолжал, как, впрочем, и Тижи и Буль, на борту, хотя корабль стоял в сухом доке.

Но о продолжении работы на нем не могло быть и речи: конопатчики громко стучали по корпусу, и от их ударов все внутри резонировало, как под колпаком. Тогда я разыскал старую полузатопленную баржу. Я поставил там прямо в воду большой ящик под пишущую машинку, другой, поменьше, себе под зад и два маленьких под ноги. На барже я сочинил серию детективных новелл: «Тринадцать тайн», «Тринадцать загадок», «Тринадцать виновных».

Как-то утром я отправился в маленькое кафе, к которому успел привыкнуть,— оно мне очень нравилось. В нем было темновато, но вся мебель просто сверкала. На бильярде, под которым стояла жаровня, чтобы дерево не коробилось, не было ни пятнышка мела, а столов с такой идеальной полировкой я вообще нигде не видел.

Помню, я спросил у хозяина, каким лаком или мастикой он пользуется. Он чуть ли не с негодованием посмотрел на меня и ответил:

— Никаких мастик, а тем более лаков. Каждое утро в течение сорока лет я протираю мебель несколькими капельками масла.

Я заказал стаканчик джина с капелькой лимонного сиропа и спокойно просмаковал его, попыхивая трубкой, затем выпил второй и не поручусь, что не заказал третьего. Правда, джин в Голландии подают в крошечных стаканчиках. Тем не менее, когда, сунув руки в карманы, я зашагал по берегу моря, в голове у меня слегка шумело. И тут в мозгу у меня возник ряд образов: вначале парижские улицы, с которыми я расстался год назад, затем силуэты бродяг, прозванных «портовыми крысами». Я встречал их в разных частях света. Они похожи на морскую пену. Это своего рода портовые клошары. Никто не знает, откуда они, какой национальности. Прогонят их от одного склада — глядишь, они уже около другого. Больших правонарушений они не совершают и всегда готовы оказать мелкие услуги, почему портовое начальство и терпит их.

В отличие от городских клошаров «портовые крысы» — люди не старые. Большинство из них довольно молоды. Они производили на меня не менее сильное впечатление, чем парижские клошары, ночующие под мостами.

Все эти образы смешались в моем затуманенном мозгу, и вскоре я решил написать роман, исходной сюжетной точкой которого послужат «портовые крысы». К вечеру решение мое не поколебалось. Я по-прежнему был погружен в новую, захватившую меня атмосферу, в среду, постепенно обретавшую для меня зримые контуры.

В 6 утра я отправился на полузатопленную баржу, сел на ящик, поставил ноги на два других и начал отстукивать первую главу «Питера-латыша»[1]. К 11 она была готова. У меня не было ни набросков, ни плана. На старом желтом конверте, найденном на «Остготе», я записал лишь несколько имен персонажей и названий улиц. Через неделю роман — первый из «цикла Мегрэ» — был закончен.

Вначале я не представлял себе, как развернутся происходящие в нем события, а просто изо дня в день следовал за своим главным героем. Мегрэ в тот момент являлся для меня второстепенным лицом, и я ограничился тем, что обрисовал его характер в общих чертах. Я и понятия не имел, что использую своего инспектора еще в 80 романах, что Мегрэ не только станет известен во всех странах, но что о нем будут ставить фильмы, делать радио- и телепередачи. Чем кончится «Питер-латыш», я узнал лишь в последний день. В дальнейшем то же самое происходило со всеми моими «Мегрэ» и «не-Мегрэ».

Что же вызывало у меня вспышку творческой энергии? Три стаканчика в тихой и созвучной мне атмосфере маленького кафе? Или «портовые крысы», которых я встречал во всех гаванях мира? В сущности, этот механизм мне и самому непонятен. У меня никогда не возникало сознательного намерения написать книгу. Все начинается с какого-то внезапного беспокойства. Или с желания выключиться из окружающей меня реальности? Не убежден, что это так, но подобное объяснение вполне правдоподобно. Как только герой романа родился, он обретает плоть и — тут я готов биться об заклад — начинает жить самостоятельной жизнью. Любопытно, что, несмотря на мое, в известной мере, второстепенное участие в развитии действия, работа над романом крайне меня изнуряет.

С 1929 года я написал больше двухсот[2] романов. Я старался делать их все более динамичными, насыщенными и в то же время сжатыми, работа над ними становилась все труднее. Поэтому я писал все меньше: сперва двенадцать романов в год, под конец — четыре, а то и три.

Приступая к двести пятнадцатому роману, я час просидел над желтым конвертом. Записал фамилии, адреса, номера телефонов. Все было готово. Но на следующее утро я не стал в шесть утра садиться за стол и писать первую главу: почувствовал, что у меня нет сил.

Тогда я и решил бросить писать. Было это год назад в канун моего семидесятилетия[3].

С той поры я только болтаю перед диктофоном. Выбрал я самый простой и самый дешевый: он ведь предназначен не для работы, а для развлечения. Ну и чтобы снять налет торжественности и высокопарности с того, что я рассказываю,— кое-кто мог бы сказать: мелю.

Несколько лет назад на том месте, где был написан «Питер-латыш», то есть родился Мегрэ, поставили бронзовую статую комиссара. Сейчас мне это кажется таким же нереальным, как сам Мегрэ, как все написанное мной.

Как все романисты, я получал и еще получаю очень много писем. Они приходят из самых разных стран от людей, принадлежащих к разным слоям,— от врачей, психологов, психиатров, преподавателей и, наконец, от массы читателей, не занимающихся умственным трудом. Однако большинство моих корреспондентов, к какой бы общественной категории они ни принадлежали, задают один и тот же вопрос:

— Каков механизм вашего творчества?

Или:

— Как вы пишете романы?

Это именно тот вопрос, на который я не в силах ответить. Вчера я попытался продемонстрировать этот механизм на примере своего первого «Мегрэ», который впервые подписал собственной фамилией. Я всегда стремился уяснить себе, как возникает во мне первоначальный творческий импульс. В Делфзейле это случилось за полированным столиком маленького кафе, где пахло джином. А в других случаях? Мне кажется, иногда для этого достаточно любой малости: солнечного луча, какого-то необычного дождя, запаха сирени или навоза. Они пробуждают во мне непроизвольный образ, который подчас не связан даже с первоначальным ощущением,— например, образы набережных в Льеже и Антверпене, причала в Габоне и одновременно образы больших людских масс.

Долгое время эти образы почти всегда ассоциировались у меня с детством и отрочеством. У нас была большая семья. Отец имел дюжину братьев и сестер, мать — столько же, с широким диапазоном судеб — от монахини до клошара, от самоубийцы до крупного землевладель-

---

[1] *Роман написан в 1931 году, опубликован на русском в журнале «Простор», № 3—4 за 1982 год.— Примеч. ред.*

[2] *Двести четырнадцать.— Примеч. пер.*

[3] *Семьдесят лет Сименону исполнилось 13 февраля 1973 года.— Примеч. ред.*

ца, от хозяйки матросского кабачка до пациенток психиатрической клиники. А о скольких я не упоминаю! Вероятно, перечитав романы, написанные мною лет до сорока, я нашел бы сходство между этими людьми и своими героями. Я имею в виду не точное портретное сходство, а то, что эти люди, сами того не подозревая, погрузили меня в свою атмосферу, и я тоже об этом не догадывался. Потом, осознав это, я написал «Педигри»[4], чтобы избавиться от воспоминаний детства, описать раз и навсегда свое семейство в одной книге и больше не испытывать неприятного предчувствия новой встречи с родней в следующих вещах.

Толчком к началу творческого процесса мне всегда служило мимолетное ощущение: запах, цвет или даже тихое шарканье по полу. Через несколько часов или дней возникала атмосфера романа и меня начинали преследовать его персонажи, происхождения которых я не знал и о которых ничего не мог сказать. Когда я принимался писать, эти герои, сперва расплывчатые и чуждые мне, обретали имя, адрес, профессию и становились настолько живыми, что мое собственное «я» отступало на задний план. На третьей главе я начинал ходить, говорить, чувствовать, как они. Вот почему я никогда не составлял план романа — сюжетом дирижировал не я, а мои герои.

В самом деле, у меня не было выбора. Как только я начинал писать, мною овладевала своего рода лихорадка. Она одолевала меня, порабощала, лишала свободы воли. И я продолжал писать. Не потому, что хотел этого, даже не потому, что стремился заработать деньги, а потому, что, если перерыв между двумя романами слишком затягивался, я чувствовал себя словно в вакууме, в безвоздушном пространстве. Должен ли я признать, что не люблю в себе эту настоятельную потребность постоянно возвращаться к работе, эту потерю душевного равновесия, когда я не пишу? Я понимаю: задавать себе подобные вопросы глупо, но удержаться не могу. Если это удается мне несколько дней или часов, всегда найдется кто-нибудь, кого я даже не знаю и никогда не видел и кто заговорит со мною на улице, чтобы задать вечный вопрос:

— Господин Сименон, как вам удается писать столько романов?

Как это удается мне в течение почти полувека? Да очень просто, черт побери! Я пишу. В первый раз я писал, сидя за пишущей машинкой на ящике; потом более комфортабельно — сидя на стуле. Но я никогда не принимал за письменным столом позу романиста с пером в руке, трубкой во рту и распахнутым на улицу окном. Перед началом работы я неизменно вынужден был повторять определенные жесты, ставшие за долгие годы привычкой, которая опять-таки поработила меня. Перед тем как приняться за роман, я спускался к себе в кабинет, прихватив из библиотеки маленький столик на колесиках. Я устанавливал его на определенном месте, отправлялся на кухню за плиткой и, как всегда, втыкал в кабинете вилку в розетку. Затем я приносил чашку, которую не без труда раздобыл,— так она огромна. Это чтобы не слишком часто наполнять ее снова. Далее следовал осмотр машинки и чистка шрифта. Справа от машинки я клал желтый конверт, который ошибочно называют моим планом. На нем никогда не делалось пометок, связанных с развитием сюжета. Слева — две папки из толстой бумаги особого сорта для обоих экземпляров рукописи: я всегда печатаю под копирку. На другом столике огромная пепельница, выточенная из цельного куска дерева, полдюжины тщательно подобранных трубок. Последний взгляд на весь ансамбль... Я казался себе акробатом, который уже в трико выходит перед номером на арену проверить, хорошо ли натянута проволока и закреплена аппаратура. Не были ли все эти приготовления чудачеством?

Некоторое время я пытался сбросить гнет этих привычек и писать по-другому. Накупил десятки карандашей и тонко-тонко очинил их электрической машинкой. Наконец уселся даже за письменный стол. Почерк у меня очень мелкий, и я был вынужден часто очинять карандаши. После полудня я перепечатал рукописный текст на машинке, и мне пришлось многое менять. Пишущая машинка не располагает к словесным пируэтам, повторам; приглаженным фразам, которых я не терплю. От нового метода я вскоре отказался, почувствовав, что явно поддаюсь тенденции писать красиво, и опять сел за машинку. Итак, в течение стольких лет я не был волен даже в выборе техники письма. Это признание вызывает у меня досаду и беспокойство, несмотря на то, что я сделал все от меня зависящее. Теперь, когда я больше не романист, мне тревожиться нечего. Я очень хотел бы не писать воспоминаний, а рассказывать забавные истории об известных людях — моих друзьях. Я набит такими историями, но считаю, что действия и поступки людей принадлежат только им самим и не мне выставлять их жизнь на всеобщее обозрение, а уж судить о ней — и подавно. Значит, для болтовни перед моей игрушкой у меня остается одно — я сам в молодости и в старости, небольшой запас образов, возникающий у меня в голове, когда я меньше всего этого ожидаю. Как видите, я даже образы не волен выбирать сам.

Решив бросить писать, я пригласил к себе одного лозаннского журналиста, который дважды брал у меня интервью и отличался безукоризненной вежливостью. Ему я и объявил новость. Было это в канун моего семидесятилетия.

Его статью перепечатали во всем мире, хотя дал он ее только в местную газету. И тут как прорвало: телеграммы, телефонные звонки. Собрались приехать с телевидения. Я был непреклонен. Сказал этому журналисту, что это было мое последнее интервью, поскольку я перестал быть писателем, а следовательно, человеком, принадлежащим публике. И я сдержал слово. Конечно, журналисты, которые безуспешно стучались в запертые двери, досадовали и злились. Но если они задумаются, то поймут меня.

В один прекрасный день я стал свободным человеком, человеком как все, а интервью обычно не берут у первого встречного или у пенсионера, сидящего на скамейке.

Со дна памяти поднимается воспоминание. Странно, почему оно не всплыло раньше: все-таки что-то оно да значит.

Лет в пятнадцать-шестнадцать я был убежден, что стану прославленным юмористом. Мой первый роман «На Арочном мосту»[5] был написан с потугами на юмор. Действие в нем происходило в основном в аптеке, специализирующейся на слабительных пилюлях для голубей. Она существует и сейчас. В мой последний приезд в Льеж два года назад эта аптека находилась на том же самом месте, и рекламировалось в ней то же самое специфическое лекарство.

В следующем году мой друг М., репортер конкурирующей газеты, подбил меня писать вместе с ним пародию на полицейский роман. Почему на полицейский? Не знаю, откуда возникла эта мысль. Полицейских романов я не читал. Ну может, прочел один или два.

Я тогда взахлеб читал Гоголя, которого очень любил и которого до сих пор считаю величайшим русским писателем.

Тем не менее мы с приятелем сочинили этот пародийный или, если угодно, иронический роман. Он назывался «Пуговица от пристежного воротничка».

Несколько лет назад М. отыскал рукопись и любезно прислал мне. Я попытался ее прочесть, но не одолел и четырех страниц. Если бы среди рукописей, которые мне присылают, попалась бы столь же скверно написанная, я, вне всякого сомнения, почел бы своим святым долгом порекомендовать автору заняться любым другим делом, скажем, стать мусорщиком, но только не лезть в писатели, тем более в юмористы.

В журналистский период, лет примерно в восемнадцать, я написал третий роман. Он назывался «Жан Пинаге» по имени героя, долговязого курносого юноши, довольно смешного, который принюхивался, чем пахнет на улицах, в лавках, посмеивался над внешностью прохожих, прилипал к витринам кондитерских, где громоздились всевозможные торты. Мне хотелось изобразить в этом романе старый Льеж. Я зачитывался Рабле. Читал также «Харчевню Королевы Гусиные Лапки» Франса.

---

[4] *Автобиографическая книга, написана в 1948 году.— Примеч. ред.*

[5] *Опубликован в 1921 году под псевдонимом Жорж Сим.— Примеч. ред.*

Короче, ничего оригинального там не было. Но это уже был мой роман: я ведь тоже всю жизнь принюхивался к запахам, присматривался к огням и отблескам, полосам тени и света, к лицам, грубым, тупым или скорбным.

Плавание по каналам Франции на яхте «Жинетта» пристрастило меня к воде. Я решил построить настоящее судно — крепкий, остойчивый парусник, как у феканских рыбаков, и сам ревниво следил за его постройкой. Это была не хрупкая яхта, а надежное судно, способное выдержать любой шквал. Настал долгожданный день, когда я вывел парусник в устье Сены, поднялся вверх по реке и поставил его на якорь.

Мне нравилась такая жизнь. Я печатал романы в хорошо натопленной каюте, где Буль готовила пищу. На обратном пути мы вновь оказались на севере Голландии и решили там перезимовать. Уютный порт, где в толстых крепостных стенах вместо ворот были шлюзы, назывался Делфзейл. Я причалил в спокойном месте. Назавтра пошел прогуляться по берегу, придумывая на ходу сюжет нового романа, и именно в Делфзейле родился первый роман о Мегрэ «Питер-латыш».

Делфзейл, расположенный на самом севере Голландии, вблизи немецкой границы,— один из поразительнейших городов, которые я знаю. Его стены похожи на оборонительные сооружения, а на самом деле это шлюзы, так как на протяжении веков волны Северного моря часто затапливали город. Вот почему встроенные в дамбу ворота и служат шлюзами. В случае опасности их можно наглухо закрыть. Улицы вымощены розовым кирпичом, домики тоже розового цвета. В Делфзейле стоит такая тишина, от которой мы давно отвыкли. Редких прохожих замечаешь с другого конца улицы.

К тому времени я, обучаясь своему ремеслу, уже написал десятки развлекательных романов и сотни рассказов. Перечитав «Питера-латыша», я спросил себя, не подошел ли я к новому этапу в своей работе. Так оно и оказалось. Я попытался придать более индивидуальный характер образу Мегрэ, который обрисован вначале лишь в общих чертах. Три следующих романа[6] показались мне достойными публикации, но не в развлекательной серии, а в той, что я называл про себя промежуточной, полулитературной. Я поехал поездом в Париж и вручил четыре романа папаше Фейару[7]: о нем говорили, что у него безошибочное чутье. Через несколько дней издатель вызвал меня:

— Что вы, собственно говоря, тут настрочили? — спросил он.— Ваши романы непохожи на настоящий детектив. Детективный роман развивается, как шахматная партия: читатель должен располагать всеми данными. Ничего похожего у вас нет. Да и комиссар ваш отнюдь не совершенство — немолод, необаятелен. Жертвы и убийцы не вызывают ни симпатии, ни антипатии. Кончается все печально. Любви нет, свадеб тоже. Интересно, как вы надеетесь увлечь всем этим публику?

Я протянул руку за рукописями, но папаша Фейар отвел ее.

— Что поделаешь! Вероятно, мы потеряем кучу денег, но я рискну и сделаю опыт. Шлите еще шесть таких же романов. Когда у нас будет запас, мы начнем печатать по одному в месяц.

Я с облегчением вернулся в Делфзейл, где нашел свое судно: на нем я чувствовал себя дома. Изо дня в день я стал писать то, что позднее назвали «циклом Мегрэ».

Затем я проплыл по фрисландским каналам и встал на зимовку в маленькой гавани Ставерен, где каждое утро начинал с того, что обкалывал лед вокруг корабля. Никто не мог упомнить такой жестокой зимы. Как чудесно было сидеть в теплой каюте и вдыхать аромат жаркого или кролика в вине, которого готовит Буль.

Забавно, что Мегрэ родился в столь чуждой ему атмосфере — ведь все или почти все свои расследования он будет вести в Париже.

Мне понравилась жизнь на корабле. Я уже мечтал, как заведу себе другой и оснащу его для плавания по Средиземноморью.

Я испытываю угрызения совести из-за того, что совершенно забросил Мегрэ после последнего романа «Мегрэ и господин Шарль». Это почти как навсегда расстаться с другом, не пожав ему руку. Между автором и его героями возникает эмоциональная связь, а если их сотрудничество длилось пятьдесят лет — и подавно.

Мне доводилось читать в газетах, будто Мегрэ я писал с себя, будто он всего лишь моя копия.

Категорически отрицаю. Когда я писал первые романы о Мегрэ, я и не предполагал, что он надолго станет моим героем. В первых романах он был всего лишь эпизодическим персонажем. Впоследствии комиссар обрел внешний облик: внушительность, массивность, неторопливость, импонирующую невозмутимость.

Ни физически, ни нравственно этот портрет не похож на меня.

Позднее Мегрэ станет менее обобщенным. Да, возможно, я совершенно безотчетно передал ему некоторые свои мысли, какие-то оттенки своего отношения к миру...

Но он никогда не был мною. Я оставил его в деревне на берегу Луары, где он живет на покое — так же, как я. Он копается в саду, играет с соседями в карты, удит рыбу.

Я продолжаю заниматься единственным видом спорта, который мне еще доступен,— ходьбой.

Желаю ему жить на покое так же счастливо, как живу я.

Мы достаточно потрудились вместе, чтобы я мог с нежностью сказать ему: прощай.

Перевела с французского
Э. ШРАЙБЕР

---

[6] *«Господин Галле скончался», «Повесившийся на дверях церкви Сен-Вольен», «Коновод с баржи «Провидение», последний опубликован в журнале «Звезда Востока», № 7—9 за 1981 год.— Примеч. пер.*

[7] *Парижский издатель.— Примеч. ред.*

В НОМЕРЕ:

Адрес этого снимка на первой странице обложки — Куба. Время — обозначено на снимке — Новый год, день рождения острова Свободы. Впервые как двойной праздник братский кубинский народ отмечал 1 января в 1959 году, 25 лет назад.

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

Главный редактор А. А. НОДИЯ

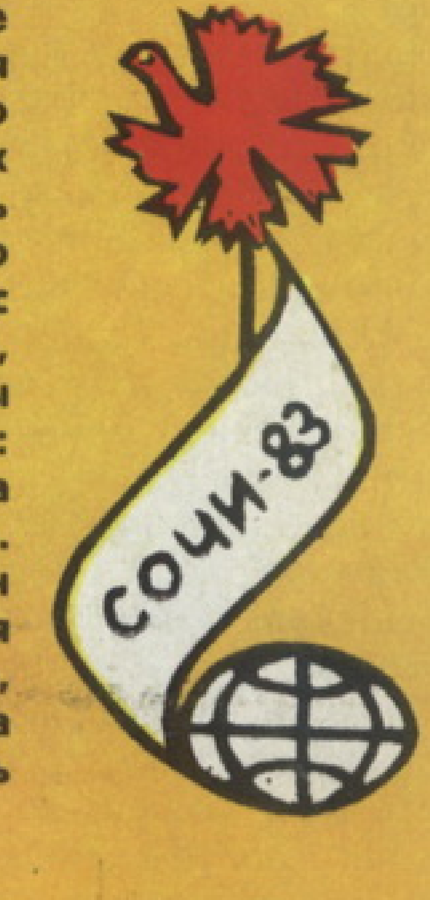
Художественный редактор Е. А. Гричук
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-78. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

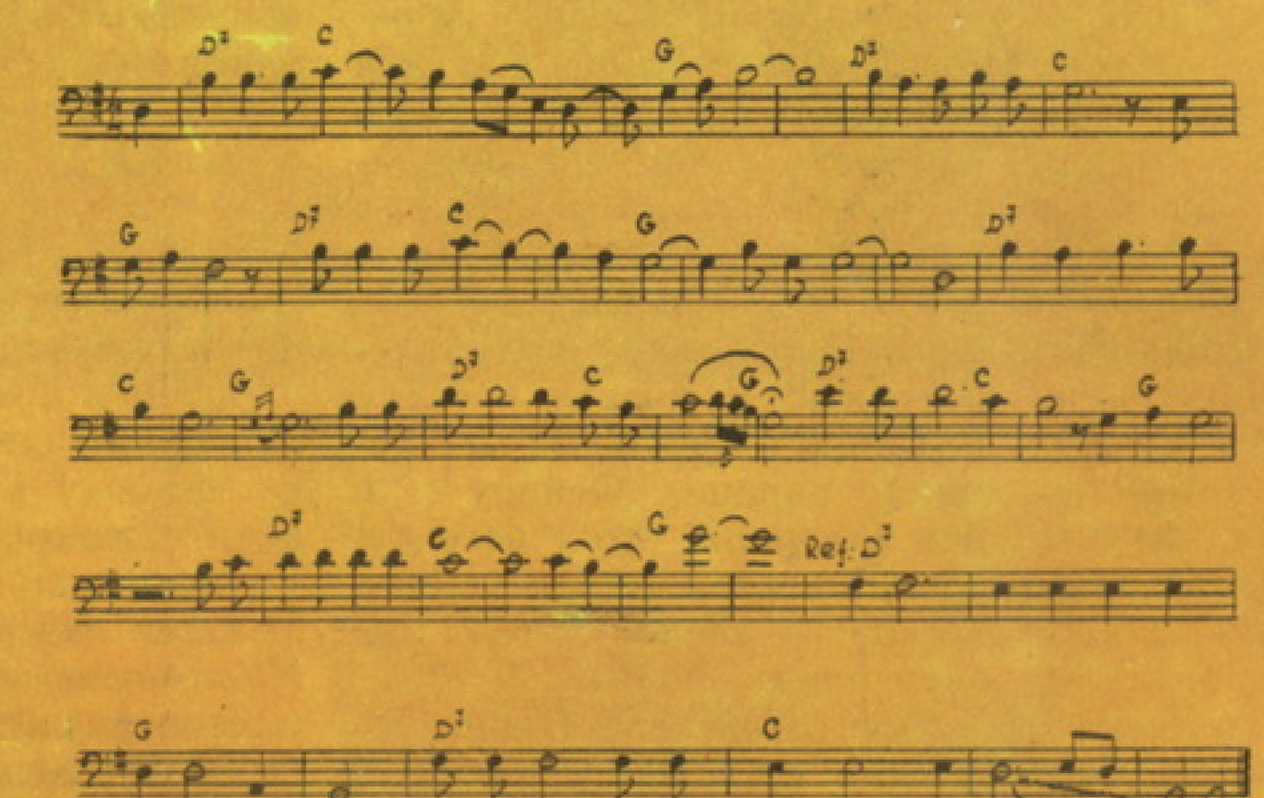
Сдано в набор 09.11.83. Подп. к печ. 22.12.83. А00281. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,4. Уч.-изд. л. 5,4. Тираж 1 100 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 1924

Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Осенью прошлого года в Сочи проходил очередной, VIII Международный молодежный фестиваль песни «Красная гвоздика». Одним из его участников был певец из Намибии Джексон Каужеуа. Вот уже более десяти лет Джексон сочиняет и исполняет песни протеста. Он член организации СВАПО, борющейся против незаконной оккупации Намибии расистским режимом ЮАР. Преследования властей вынудили его эмигрировать в Анголу. Джексон Каужеуа участвовал во многих фестивалях политической песни в разных странах — в Англии, на Кубе, в ГДР, в Ливии... В нашей стране Джексон впервые, и можете представить себе его удивление, когда он узнал, что в № 2 за 1981 год «Ровесник» опубликовал одну из песен его репертуара — «Верните мне Намибию». Джексон написал для наших читателей вот эти слова: «У вас отличный журнал. Его материалы — настоящий вклад в нашу борьбу, которой руководит СВАПО, в борьбу за освобождение нашей родины. Желаю вам успеха — борьба продолжается». Здесь мы представляем вам песню, которую Джексон Каужеуа пел в Сочи. Она называется «Семена века»: «Я — словно дождевая капля, пронзающая раскаленный песок пустыни Калахари, чтобы смочить семена века. Мы — корни прошлого, настоящего и будущего, и мы должны обрести нашу возлюбленную родину». Напоминаем вам, что «Ровесник» объявил конкурс читателей на лучший поэтический перевод песен на английском, испанском, французском, немецком языках, которые будут систематически печататься на четвертой странице обложки «Ровесника». Конкурс продлится до середины 1984 года, а в конце его, в 12-м номере, редакция подведет итоги и опубликует наиболее удачные работы. Участникам конкурса необходимо помнить, что речь идет о переводе песен, а следовательно, русский текст должен быть эквиритмичным, то есть должен «укладываться» в мелодию переводимой песни.
Переводы просим направлять с пометкой на конверте: «КОНКУРС ПЕСНИ».

1. I feel like a rainy drop of water.
Piercing the muddy soil of Otjomuise.
Seeking the seeds of the century.
When wistled wind had blown others
and with others we are the roots of the
past, present and future,
to regain our beloved country.
2. I feel like a rainy drop of water.
Piercing the scorching winds
and the barren rocks of Okakoverua.
When darkness approaches night
and night approaches dawn
to regain our beloved country.
3. I feel like a rainy drop of water.
Piercing the barren sand and fuggy wind
of the Kalahary desert.
To moisture the seeds of the century
with others as roots of the past,
present and future
to regain our beloved country.

Индекс 70781
Цена 35 коп.